

АЛЕКСАХА А.Г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН. ПРОГРЕССОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ (ОКОНЧАНИЕ)

7. Реконструкция

Итак, мы с достаточной степенью достоверности можем установить, на каких языках говорили носители культур, которые предшествовали пражской в ее ареале или же занимали соседние территории. Это нужно для того, чтобы реконструировать предысторию пражской культуры. Для ее реконструкции нам прежде всего нужно определить для себя район, в котором сформировалась эта культура, поскольку ареал пражской культуры слишком велик для того, чтобы все ее характерные особенности могли возникнуть одновременно на столь большой территории. Однако какой именно район был центром формирования этой культуры, непонятно, т. к., несмотря на то, что памятники пражской культуры изучены относительно хорошо, бедность материальной культуры, очень малое количество импортных вещей сильно затрудняют датировку или же не позволяют сделать ее достаточно узкой, чтобы выявить наиболее ранние центры этой культуры.

Основной ареал пражской культуры сильно растянут с юго-востока на северо-запад и очевидно, что наша задача сводится к выбору между двумя возможными районами. Это южная Польша и северо-западная Украина, точнее, верхнее и среднее Приднестровье и Волинь. Район южной Польши сразу же вызывает большие сомнения, поскольку, как уже говорилось выше, Польша ко времени возникновения пражской культуры была опустошена экстремальными миграциями.

Кроме того, имеются находки в Поднестровье и верховьях Прута, которые

датируются наиболее ранними датами пражской культуры – V в. н. э. На этих памятниках лепная пражская керамика сочетается с гончарной керамикой предшествующей черняховской культуры. Кроме того, в этом регионе выявлены наиболее ранние жилища славянского типа – полуземлянки с печью-каменкой. В других регионах пражской культуры памятники V в. н. э. пока неизвестны [Баран 1981, с.172]. Впрочем, не все археологи согласны с такой датировкой и утверждают, что более ранние памятники находятся в бассейне Вислы (Русанова).

Однако бесспорным является тот факт, что на территории Волини находилось наиболее раннее укрепленное поселение пражской культуры: на возвышенном мысу реки Луга возле села Зимно. Поселение было укреплено подсыпкой земли, земляным валом и частоколом. Культурный слой поселения датируется V-VII вв. н. э. [Аулих, с.137]. На городище обнаружено много находок: следы литейного, кузнечного производства, украшения, импортные вещи и даже византийская монета Юстина I (518-527 гг.) или Юстиниана I (527-565 гг.). Исключительное положение городища Зимно подчеркивается тем, что тут найдено больше металлических предметов, чем на всех остальных памятниках пражской культуры. Кроме того, практически все ранние поселения пражской культуры – небольшие неукрепленные селения. Два других укрепленных поселения пражской культуры – Хотомель в Брестской обл. Белоруссии и Шелиги в Польше – датируются археологами значительно более



поздним временем: VII-VIII вв. [Археология СССР, т.3, с. 140]. Оба они располагаются на периферии пражской культуры: Хотомель – на границе с ареалом колочинской культуры, а Шелиги – суковско-дзедзицкой. Впрочем, есть достаточные основания относить Шелиги к суковско-дзедзицкой культуре. Зимнинское же городище находилось в глубине ареала пражской культуры. Это свидетельствует о том, что причиной возникновения такого поселения была не внешняя угроза, а некие внутренние причины.

Об особой роли Волыни в ранней истории славян свидетельствуют и письменные источники. Арабский географ Масуди в книге “Золотые луга”, датированной 940-ми годами, сообщает о славянских племенах “валинана” и “дулаба”, причем указывает, что волыняне некогда господствовали над другими славянами. Царь волынян Маджак управлял другими царями славян. Однако потом среди славян начались раздоры, и цари всех славянских племен стали править самостоятельно [Гаркави, с.135]. О волынянах под именем “велонзан” сообщает и Баварский географ, записи которого датируются периодом между 886 и 890 гг. Есть упоминание о волынянах и у арабского путешественника X в. ибн-Якуба. Современные историки считают, что территория племенного союза дулебов-волынян ограничивалась на севере Припятью, на юге доходила до верховьев Днестра, на западе до Западного Буга, а на востоке до реки Горынь. Такой ареал расселения племени дулебов определен на основании топонимов [Седов 1962, с.202]. О дулебах сообщает и “Повесть временных лет” в связи с войнами последних с аварами: “Си (обры) же добре воеваху на словенах и примучиши дулебы, сущая словены и насилие творяху женам дулепским” [Повесть временных лет, с.11-12]. Обры – это авары, народ тюркского происхождения, появившийся на Дунае в 560-х гг. Авары прошли тем же путем, каким до них проходили и каким после них будут

проходить многие кочевые народы, и осели в придунайских степях, создав тут свое государство – каганат. Авары постоянно делали набеги на соседей, в том числе на славян. С тех пор во многих славянских языках слово “обр” обозначает “великан”: в словенском ober, в чешском obr, в словацком obor, в древнепольском obrzum. Называть великанов именем враждебного народа – явление довольно распространенное. Например, в немецком языке Hune означает “великан, богатырь”. Это слово происходит от названия народа, с которым в Раннее Средневековье некоторые германские племена вели ожесточенную борьбу, – гуннов.

Для нас в этом предании интересно то, что Нестор, говоря о столь отдаленном времени, знает только дулебов. Это объяснил еще В.Ключевский. Он писал: “Можно догадываться, почему киевское предание запомнило одних дулебов из времен аварского нашествия. Тогда дулебы господствовали над всеми славянами и покрывали их своим именем” [Ключевский, т.1, с.110].

Итак, городище Зимно по всем признакам было политическим центром носителей пражской культуры. На том уровне развития, на котором находилась эта культура, политический центр обязательно должен был совпадать с эпицентром миграций. Косвенно доминирующую роль Волыни подтверждают и письменные источники. Следовательно, мы можем рассматривать Волынь и прилегающее Среднее и Верхнее Приднестровье как первоначальный район пражской культуры, из которого и начались миграции, сформировавшие ее ареал.

Такой вывод вынуждает нас детально рассмотреть процессы, происходившие на Волыни и Приднестровье непосредственно перед появлением тут пражской культуры. Это возможно благодаря тому, что этот район археологически достаточно хорошо изучен [Козак 1992].

Во II в. до н. э. в западной части Волыни и в Приднестровье проживало население поморско-подклешевой культуры, которое пришло сюда с территории Польши. Как мы уже отмечали, в начале I в. до н. э. сюда с территории Польши переселились пшеворские племена, которые ассимилировали население поморско-клешевой культуры. В середине I в. н. э. начинается расселение пшеворского населения Приднестровья вдоль левых притоков Днестра на юг. Позднее пшеворское население переходит Днестр и проникает в бассейн Прута [Козак 1984, с.47]. Кроме того, именно с середины I в. н. э. увеличивается количество пшеворских элементов на памятниках зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье. Пшеворские типы сосудов появляются в керамическом комплексе; западное происхождение имеют некоторые виды украшений, оружия, фибулы, шпоры; пшеворские черты появляются и в погребальном обряде. Исследователи считают, что в это время на Среднее Поднепровье, в среду зарубинцев вселяются представители пшеворского населения [Максимов, с.114, 126]. Но особенно много пшеворцев мигрировало в бассейн Южного Буга [Хавлюк, с.7-13].

Таким образом, первоначально пшеворское население появилось на Волыни и Приднестровье в начале I в. до н. э., ассимилировав население поморско-клешевой культуры. В середине I в. н. э., вероятно, когда этот относительно небольшой резервуар наполнился, пшеворцы с Волыни и Верхнего Приднестровья начинают двигаться на юг, юго-восток и восток. Следовательно, население Волыни и Приднестровья сократилось. Установлено, что со второй половины I в. н. э. зарубинецкие племена, которые ранее жили в Полесье, практически полностью покидают свои прежние места обитания и переселяются на Волынь и Приднестровье [Смішко 1976, с.7-8].

Показательным является то, что зарубинецкое население селилось на поселениях пшеворской культуры, хотя, как свидетельствуют многочисленные примеры, обычно при подобных миграциях в первое время после переселения пришельцы селятся отдельно, то есть население живет чересполосно. Появление зарубинецкого населения на поселениях пшеворской культуры свидетельствует о том, что эти поселения в значительной степени опустели. Однако археологи отмечают резкое увеличение количества памятников на Волыни и Приднестровье второй половины I – II вв. Это объясняется увеличением численности населения в результате миграции сюда зарубинцев [Козак 1992, с.115]. Возникают новые селища. Площади селений увеличились примерно в 2-3 раза. По оценкам археологов, общее количество населения на Волыни и в Приднестровье возросло примерно в 2,5-3 раза [там же]. На Полесье в это время прослеживается влияние культуры штрихованной керамики, которая ранее занимала более северные территории.

Следовательно, произошла передвижка населения: пшеворцы ушли на юг и восток, на их место на Волыни и в Приднестровье переселилось зарубинецкое население Полесья, а на опустевшее Полесье начинают проникать носители культуры штрихованной керамики.

На рисунке 16 [составлен по: Козак 1992, с.9, рис.1, с.73, рис.39] отчетливо видно, как двигалось население зарубинецкой культуры, до I в. до н. э. занимавшее междуречье Припяти и Ствиги и верхнее течение Горыни и Стыри. К концу I в. до н. э. оно полностью уходит отсюда на Волынь и частично проникает в бассейн Днестра и Сана. К концу II в. н. э. оно полностью уходит с Волыни и к середине IV в. занимает почти все среднее и верхнее Поднепровье и бассейн Сана вплоть до Вислы.

В результате ассимиляционных процессов на Волыни и Поднепровье во второй половине II – III вв. н. э.

сформувалась волинсько-подольська група пшеворської культури, котра настільки сильно відличалась від культури Висло-Одерського междуреччя, що її не можна вже вважати пшеворською [Козак 1992, с.49]. Для вночі

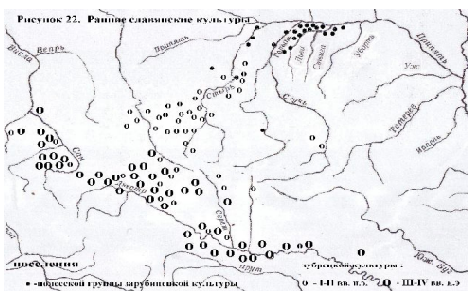


Рисунок 22. Зубрицька культура

возникшого культурного комплексу пропонується назвати зубрицькою культурою [там же]. Керамічний комплекс цієї культури характеризується сильним зміщенням пшеворських і зарубинецьких рис, з часом в ньому вже важко виділити риси цих культур [Козак 1992, с.62]. Однак в пам'ятниках зубрицької культури відчувається сильне зарубинецьке вплив, зокрема, в будівництві і кераміці [Козак 1992, с.51].

В кінці II – початку III вв. н. е. заповнюються основні резервуари пшеворської культури в Польщі. Починається рух основної маси пшеворців на схід і пізніше на південь, як зазначалося вище. Саме в цей час, як зазначають дослідники, різко зростає кількість пшеворських пам'яток в Верхньому Придністров'ї і Західній Волині [Козак 1984, с.47]. В цей же час починається швидкий рух пшеворців далі на південь, від якого залишилися лише окремі поховання озброєних воїнів. На території Польщі в цей час спостерігається скорочення пшеворських пам'яток.

Цікаво, що окремі поховання озброєних воїнів кінця II – початку III

вв. н. е. в Подністров'ї явно не відносились до місцевої культури, а їх поява тут порушила еволюційний розвиток останньої [Козак 1984, с.50]. Це означає, що пшеворське населення з території Польщі пройшло ці місця швидко, транзитом, не впливаючи на місцевих жителів.

В кінці II в. н. е. на Волині, яку як раз перед цим залишало населення зубрицької культури, з'являються вельбарські пам'ятники [Козак 1992, с.67]. Пам'ятники вельбарської культури на Волині датуються останньою чвертю II – IV вв. [там же]. При цьому, по-видимому, проникнення сюди відбувалося двома хвилями: перша в II в., друга – в другій половині III в. [Prahistoria ziem Polskich, s.136]. Матеріали зубрицької і вельбарської культур дозволяють зробити висновок, що між їх носителями не було контактів. Культури не існували на Волині, т. к. зубрицькі шари тут перекриті вельбарськими. При цьому в Придністров'ї немає слідів перебування носіїв вельбарської культури. Натомість пам'ятники вельбарської культури знайдені в верхньому течії Південного Буга і далі на південь, в степах. Отже, носії вельбарської культури, тобто готи, зайняли спустошену Волинь, але при подальшому розселенні на південь обійшли з сходу Подністров'я, куди їх не пустило місцеве населення.

Впродовж III в. зубрицька культура поступово трансформувалася в пам'ятники черняхівського типу [Козак 1992, с.67]. Цікаво те, що як раз напередодні виникнення черняхівської культури в другій половині – кінці II в. в Придністров'ї населення зросло в мінімум вдвічі. Якщо в кінці I – II вв. н. е. на поселеннях одне домогосподарство в середньому займало площу 432 кв. м., то в кінці II в. – 227 кв. м. [Козак 1992, с.126]. Крім того, в цей час з'являються нові типи поселень. Такий ріст населення сказався на його рівні розвитку. На поселеннях з'являються сировеликі гончарні

сосуды, значительно увеличивается количество металлических изделий, орудий труда, украшений. По данным палеоботанического анализа, большинство находок зерен культурных растений относится к объектам конца II – III вв. [Козак 1992, с.125].

Интересным фактом является то, что на территории Приднестровья и Волыни черняховские и зубрицкие памятники сосуществуют некоторое время в III в. н. э., до исчезновения тут зубрицкой культуры. Следовательно, черняховские элементы были привнесены сюда извне. Однако, по мнению археологов, в III в. н. э. на Верхнем Приднестровье и Волыни с возникновением черняховской культуры не произошло заметного изменения состава населения. Основными носителями новой культуры были прежние жители этих мест [Козак 1984, с.65]. Археологические материалы свидетельствуют, что на эту территорию вселялись отдельные группы сарматов, образуя изолированные поселения и могильники. Поэтому в составе черняховской культуры население Среднего и Верхнего Приднестровья выделялось своей специфической культурой настолько, что некоторые археологи высказывают сомнения в принадлежности этого района к черняховской культуре вообще [Щукин 2001].

Черняховская культура просуществовала до конца IV – начала V вв. Начало сложения пражской культуры, как полагают некоторые исследователи, приходится на IV-V вв. В это время по среднему Днестру в среде черняховской культуры вырабатывается определенный, характерный для славян тип жилища и появляется печь-каменка. Именно в районе Приднестровья, как утверждают некоторые археологи, появляются наиболее ранние поселения пражской культуры V в., в формировании которой принимало участие местное население черняховской культуры [Баран 1988, с.76-77].

Вот как археологи описывают эволюцию материальной культуры этого региона: “Типологически близкими славянской группе памятников V-VI вв. н. э. с керамикой пражского типа оказались зарубинецкие древности полесской группы и северная часть памятников черняховской культуры, сложившихся главным образом на основании последних, и юго-восточная группа пшеворской культуры. Элементы керамики зарубинецкой и пшеворской культур сочетаются в ряде памятников Верхнего Поднестровья и Побужья уже в первой четверти I тыс. н. э., а также в черняховских комплексах” [Баран 1978, с.31-32].

Таким образом, очевидно, что зарубинецкое население пришло на Приднестровье тогда, когда отсюда ушла большая часть пшеворского населения. Следовательно, язык именно зарубинецкого населения должен был стать языком населения Волыни и Приднестровья. Последующие миграции носителей пшеворской и вельбарской культур непосредственно на Приднестровье не проникали. Пришлое сарматское население оседало в Приднестровье и на Волыни спорадически, отдельными небольшими группами, и существенно не повлияло, как свидетельствуют археологи, на состав населения.

Следовательно, если пражская культура действительно возникла в Среднем Приднестровье, то зарубинецкое население, пришедшее сюда в I в. до н. э., должно было говорить на общеславянском языке. Вместе с тем, как мы отмечали выше, зарубинцы должны были говорить если не на иранском, то, во всяком случае, на сильно иранизированном языке. Славянский же язык имеет лишь небольшое число иранских заимствований. Однако носители зарубинецкой культуры пришли на Приднестровье не из Среднего или Верхнего Приднестровья, а из Полесья. Это значит, что они принадлежали к полесской группе зарубинецкой культуры, которая выделялась



своим культурним своеобразием. Так, на Полесье жилища представляли собой полуземлянки-срубы, в среднем Поднепровье – углубленные в материк жилища с каркасными стенами, а в Верхнем Поднепровье – наземные жилища столбовой конструкции.

Отличалось Полесье и погребальным обрядом. Тут обнаружено заметно большее количество урновых захоронений, часто перекрытых корчагами – “клошами”, чего нет на Поднепровье. Кроме того, и керамика Полесья вовсе не была полностью аналогична днепровской. Груболепная посуда Полесья, то есть не чернолощенная, по своей профилировке, пропорциям и орнаменту совершенно не такова, как посуда со Среднего Поднепровья [Максимов, с.10-11].

Однако самым важным является не то, что полесские памятники зарубинецкой культуры выделяются своим своеобразием, а то, что они имеют прямую генетическую связь с предыдущей культурой населения этих мест – милоградской. Подавляющее большинство зарубинецких поселений Полесья расположены либо непосредственно на милоградских поселениях, составляя там верхние слои, либо в непосредственной близости от них, часто являясь их территориальным продолжением [Очерки по археологии Белоруссии, с.154]. Домостроение зарубинецкой культуры Полесья подобно домостроению милоградской [Очерки, с.155]. “Сходство в устройстве сооружений милоградской и зарубинецкой культур может быть отмечено прежде всего в применении общих строительных приемов” [Мельниковская, с.41]. Похожими также являются погребальный обряд (ямные погребения с кремацией на стороне в милоградской культуре и ямные и урновые погребения, с преобладанием первых, при кремации на стороне, в зарубинецкой), тип серпа [Очерки, с.159] и, наконец, керамика. Известно, что керамика имеет очень большое значение для выяснения степени

близости различных культур. Зарубинецкая керамика Полесья была чернолощенной и груболепной, причем первая, как мы отмечали выше, несомненно, результат кельтского влияния. “По обжигу, цвету, характеру примеси в тесте груболепная керамика сравнительно близка милоградской. Разница лишь в том, что милоградская круглодонная, а зарубинецкая плоскодонная”, хотя плоскодонная посуда изредка встречается уже в милоградской культуре [Мельниковская, с.98]. Аналогична милоградской и форма округлобоких горшков [Очерки, с.162]. Орнамент на груболепной керамике также напоминает милоградский [там же]. Состав теста и приемы обработки милоградской и зарубинецкой нелощенной керамики настолько сходны, что специалисты не всегда могут определить, к какой культуре относятся фрагменты сосуда [Мельниковская, с.96]. Интересно, что пряслица зарубинецкое население изготавливало в форме сосудов [Очерки, с.163]. Такой же обычай бытовал и у племен милоградской культуры [Мельниковская, с.117]. Орнамент на пряслицах также аналогичен милоградскому [Очерки, с.163].

Таким образом, весь известный нам комплекс зарубинецкой культуры Полесья очень схож с комплексом милоградской культуры. Мы уже отмечали выше, что милоградская культура на Верхнем Днепре была ассимилирована зарубинецкой. Однако археологи не имеют никаких сведений о движении населения из Поднепровья в Полесье. Вспомним, что природные условия Полесья неблагоприятны для земледелия и при этом ухудшаются с востока на запад. Движение в этом направлении было, образно говоря, движением “против шерсти”. Сама же зарубинецкая культура явно испытала сильное западное влияние, причем признаки этого влияния сильнее в Полесье, чем на Днепре, что вполне понятно. Однако это предполагает движение населения с запада на восток, а не наоборот. Латенские элементы, подобные тем, которые характеризуют зарубинецкую культуру

Поднепровья (чернолощенная посуда, украшения, некоторые элементы погребального обряда) милоградское население Полесья восприняло непосредственно от племен позднепоморской культуры, следы пребывания которых на Волини фиксируются археологами.

В этой связи вероятным является предположение, что милоградское население Полесья было ассимилировано поморской культурой. Однако в отношении такого варианта развития событий есть серьезные сомнения, т. к. поморские

перегонно-карбонатные, уникальные по своему плодородию. Такие почвы занимают всего лишь 0,5% территории Белоруссии и в своем большинстве находятся именно в этом районе Полесья. Тут на площади в 20 кв. км. археологами было открыто 11 селищ милоградской культуры [Очерки, с.139]; на этой же территории было обнаружено 17 селищ и 7 могильников раннего этапа зарубинецкой культуры [Очерки, с.154]. Поселения зарубинецкой культуры находились непосредственно на поселениях



поселения вглубь Полесья не заходят [Очерки, с.139, рис.49]. Милоградские поселения Полесья, как и последующей зарубинецкой культуры, концентрируются преимущественно в районе нижнего течения Ствиго в ее междуречье с Припятью. Именно тут позднее возник центр славянского Турово-Пинского княжества – город Туров. Эти земли не так заболочены, как окружающие, и представляют собой своеобразный остров среди припятских болот. Почвы тут

Рисунок 23. Поморская и милоградская культуры

милоградской: достаточно взглянуть на рис.19 и 22, чтобы увидеть, что расположение милоградских памятников в Полесье во многом схоже с расположением тут зарубинецких памятников. Разница лишь в том, что последних больше, и заметна тенденция их перемещения в бассейн Ствиры. Именно этот путь впоследствии вывел отсюда растущее зарубинецкое



население на Волынь и Приднестровье. Следовательно, район, который занимала полесская группа зарубинецкой культуры, находился в глубине обширных болот, то есть был хорошо защищен самой природой. Этот район – уникальный для Восточной Европы природный изолят, который было легко защищать. Сомнительно, чтобы в условиях, когда критический коэффициент тут был высок, сюда могли прийти пришельцы извне.

Таким образом, наша реконструкция привела нас к милоградской культуре. Как мы отмечали выше, милоградская культура возникла на Волыни в конце бронзового века, то есть в VIII-VII вв. до н. э. В основном керамические материалы с милоградских памятников восточной Волыни относятся к раннему скифскому времени не позднее VI-V вв. до н. э. [Мельниковская, с.112]. При сравнении милоградской керамики с материалами смежных культур Верхнего Поднепровья сразу обращает на себя внимание резкое отличие ее от юхновской, смоленской, верхнеокской, среднебелорусской [там же]. Совершенно иной характер связей прослеживается между керамикой милоградской культуры и предшествующими ей памятниками на смежных территориях с юго-запада и юга. С керамикой высоцкой культуры, памятники которой смыкаются с милоградской территориально и хронологически, милоградскую посуду объединяет ряд форм, характерных как для поздних высоцких, так и для ранних милоградских [Мельниковская, с.114]. Связи милоградской культуры с высоцкой прослеживаются также в формах металлических предметов [Мельниковская, с.152]. Милоградские и поздние высоцкие захоронения по обряду трупосожжения практически идентичны: безурновые в овальных ямках, часто без инвентаря. На милоградских городищах найдено около 100 керамических фигурок животных. Они характерны для лужицкой культуры, но практически не встречаются в лесной полосе севернее Полесья. В них обнаруживается полное стилистическое

сходство по цвету, размеру с подобными фигурками из лесостепи. В высоцкой культуре глиняные фигурки животных и птиц входят в погребальный инвентарь [там же].

Выше я уже отмечал обычай милоградского населения изготавливать пряслица в форме сосудов, впоследствии унаследованный зарубинецким населением. Интересно, что пряслица иногда изготавливались в форме сосудов, которые относятся к более ранним периодам существования культуры. В Белоруссии найдены пряслица, изготовленные в форме сосудов, характерных для более ранних этапов милоградской культуры Волыни [Мельниковская, с.117]. Однако более важно, что найдены пряслица, точно копирующие формы и орнаментацию сосудов высоцкой культуры [Sulimirski, tabl.XIII, 9, XVII, 1, XIX, 20] и сосудов лужицкой культуры [Захарук, с.22, табл.1, 4-7]. Очень интересная деталь: только население нижнего течения р. Ствиги в зарубинецкое время сохранило древний обычай, известный еще в лужицкой и высоцкой культурах, – класть в могилу маленькие копии обычных керамических сосудов [Очерки, с.154].

Таким образом, милоградская культура возникла на Волыни в соседстве с высоцкой культурой, которая считается многими археологами группой лужицкой культуры [Археология УССР, т.2, с.42]. Сходные черты милоградской и лужицкой культур, как я отмечал выше, также наблюдаются. Это дает некоторые основания предположить, что проникновение носителей лужицкой культуры на Волынь привело к формированию тут милоградской культуры. Как мы отмечали выше, лужицкая культура была культурой исторической общности полей погребальных урн, которая возникла в Карпато-Дунайском бассейне. Южнее Карпат в ареал лужицкой культуры входила территория Чехии. Очевидно, что население, которое сформировало лужицкую культуру на территории Польши, восточной Германии

и Волыни, пришло на эти земли откуда-то с территории Чехии или прилегающих земель. Однако вспомним, что на этих землях найдены памятники культур шнуrowой керамики. Следовательно, вполне возможно, что носители каких-то языков, входивших в общность культур шнуrowой керамики, некоторое время существовали в северной части Карпато-Дунайского бассейна, в котором, как мы говорили выше, расселились представители иной группы индоевропейских языков, а именно предков италиков, кельтов, иллирийцев и венетов, создавшие впоследствии культурную общность полей погребальных урн.

Итак, сверим нашу реконструкцию событий, построенную на археологических данных, с данными лингвистики. Праславяне входили в общность прагермано-балто-славянских языков, которые совместно создали культурно-историческую общность культур шнуrowой керамики. Бесспорно, что, кроме известных нам языков, в эту же общность входили и другие, не дошедшие до нас языки. Предположительно, в эту же общность входили и прагохары. Однако эти последние осели в лесной зоне несколько изолированно от остальных культур, на правом берегу среднего Днепра, и впоследствии мигрировали в лесную зону Восточной Европы. Остальные языки шнуrowой общности расселялись через Волынь и Приднестровье, что и определило их близость. Большинство языков этой общности расселилось в лесной зоне Восточной и Центральной Европы севернее Карпатской горной системы. Праславяне же, вероятно, пересекли ее, возможно, через "моравские ворота", эти подлинные "ворота народов", и осели на территории Чехии и Словакии. Находясь в северной части Карпато-Дунайского бассейна, славяне испытали влияние итало-кельтских языков, чем и объясняются древние италийско-славянские изоглоссы.

Затем начались миграции славян на север. Они расселяются по огромным

просторам Польши и Германии, формируя тут лужицкую культуру. Субстратом этой культуры была западнотшинецкая культура, носители которой, вероятно, говорили на западнобалтийском языке. Однако падение вследствие этого у славянского населения критического коэффициента дало возможность расселиться на этой же территории носителям поморской культуры. Ассимиляция славян была довершена последующими миграциями германцев с территории Скандинавии и Дании. Однако ранее этого часть праславянского населения проникла на Волынь и далее вглубь Полесья, сформировав тут милоградскую культуру. Как я отмечал выше, милоградская культура сильно отличалась от прочих культур лесной зоны Восточной Европы, но ее население имело тесный контакт с носителями культуры штрихованной керамики, предположительно западными балтами.

Интересно отметить, что одним из знаковых совместных балто-славянских слов является название железа. На основании этого лингвисты датируют балто-славянские контакты датой не позднее 500 г. до н. э., то есть временем распространения железа в Восточной Европе. Заметим, что Полесье является крупнейшим в восточной Европе месторождением болотных железных руд. Руды залегают на небольшой глубине или выступают наружу по берегам рек. Содержание железа – от 40 до 70%. Руда очень легкоплавкая, железо из нее можно получить даже на костре. Милоградская культура выделяется среди других культур лесной зоны широким применением железа. На милоградских городищах в большом количестве найдены обломки горнов, шлак, крицы и т. п. Нельзя, разумеется, утверждать, что именно через милоградскую культуру балты познакомились с железом, но широкое для своего времени распространение железодельного ремесла у милоградского населения могло быть фактором, способствовавшим заимствованию балтами от славян названия этого металла.



На Верхнем Днепре население милоградской культуры было ассимилировано зарубинецкой культурой, но в глубине Полесья славянский язык уцелел. Следовательно, славяне Полесья не имели контактов с ираноязычным населением, но, несомненно, тесно контактировали с западными балтами. Кроме того, славяне имели некоторые контакты с населением поморской культуры, предположительно восточногерманскими племенами, от которых восприняли некоторые обычаи, в частности, производство чернолощеной посуды.

В I в. до н. э. маленький полесский резервуар заполняется, критический коэффициент возрастает. Славяне мигрируют на Воынь. Чуть позднее освобождается место на Среднем и Верхнем Приднестровье, откуда уходит часть носителей пшеворской культуры, о которых с большой вероятностью можно сказать, что они говорили на каком-то восточногерманском языке. Славяне мигрируют в Приднестровье и воспринимают тут многие элементы пшеворской культуры и языка. Время тесных контактов славян с пшеворцами соответствует времени заимствования из восточногерманских языков. Но когда на Воынь приходят готы, их контакты со славянами были минимальны, поэтому следов этого соседства в обоих языках практически нет.

В III-IV вв. начинается массовое оседание на землю сарматов, и возникает и распространяется черняховская культура. Славяне в это время занимали единую область вдоль верхнего и среднего Днестра и вдоль Сана вплоть до Вислы, что составляет примерно 500 км. Оседавшие в этом районе сарматы были источником иранских заимствований, и отдельные группы (племена) славян, контактируя с сарматами, заимствовали различные слова. Кстати, довольно значительная растянутость славянского ареала с северо-запада на юго-восток соответствует выводам

лингвистов о том, что наиболее ранние диалектные различия у славян были между западными и восточными частями ареала. До периода черняховской культуры славяне были изолированы от иранского населения лесостепи полесскими болотами, поэтому общих для всех славян иранских заимствований почти нет.

Таким образом, предложенная реконструкция ранней истории славян объединяет известные нам археологические и лингвистические факты. Кроме различных заимствований, она объясняет и бездиалектность общеславянского языка. Изолированный природой резервуар в Полесье дал ему возможность уцелеть от ассимиляции. Собственно говоря, локализация места развития славянского языка в Полесье не нова. Уже довольно давно лингвисты пришли к таким же выводам [Vasmer, s.118]. “Можно предполагать, что общеславянские племена во второй половине I тыс. до н. э. занимали лесную равнинную территорию от верховьев Западного Буга до среднего течения Днепра” [Филин, с.147]. Это и есть ареал милоградской культуры.

Однако остается непонятным, как небольшая группа славян, вышедшая из полесских болот и осевшая в Приднестровье, могла превратиться в самый многочисленный в Европе народ, занимавший огромные территории. Далее мы попытаемся в этом разобраться.

8. Расселение славян.

Расселение славян должно предшествовать распаду единого славянского языка как минимум на сто лет. Следовательно, если лингвисты датируют распад славянского языка VII-VIII вв., то расселение славян должно было начаться приблизительно в VI в. н. э. Для этого времени, кроме довольно обширной археологической базы, мы уже имеем письменные источники. В первую очередь это касается книги Иордана “О происхождении и деяниях гетов”, выдержки

из которой я приводил, когда писал о переселении готов из Скандинавии в Польшу и о последующем их движении на юго-восток. Эта книга представляет собой неумелую и путаную компиляцию из произведений более ранних авторов и народных преданий, но ничего лучшего в нашем распоряжении нет. Кроме книги Иордана, мы можем воспользоваться книгой о войне с готами Прокопия из Кесарии. Именно у этих авторов мы находим первые сведения о собственно славянах.

Иордан пишет, что к северу от Карпатских гор, «начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы. – А.А.), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венедов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они зовутся склавенами и антами. Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским до Данастра и на север до Висклы (т.е. Вислы. – А.А.)... Анты же – сильнейшее из обоих племен, распространяется от Данастра до Данапра...» [Get., 34-35]. Со склавенами все более или менее понятно. Это, несомненно, славяне. «К» между «с» и «л» вставное, обратите внимание на написание названия Вислы – «Вискла». Вместе со славянами упоминаются анты и венеды. По поводу этих этнических имен написано очень много; попробуем разобраться в этой проблеме и мы.

О венедрах сообщают и другие авторы. В Певтингеровых таблицах, представляющих собой список народов, через земли которых проходили дороги, венеды упоминаются дважды вместе с карпатскими бастарнами, гетами и даками, из чего следует, что венеды жили где-то возле Карпат. Плиний Старший также пишет о венедрах как о народе, жившем в районе с востока ограниченном Вислой. Из данных Тацита также можно предположить, что венеды жили на восток и север от Карпат. Птолемей сообщает о том, что венеды живут вдоль Венедского залива,

под которым понимается Балтийское море или часть его. Таким образом, венеды локализируются на территории Польши, причем большинство авторов помещает их севернее или восточнее Карпат.

На основании главным образом сочинения Иордана ранних славян отождествляют с венедрами. Следует заметить, что при всем желании из этой цитаты нельзя убедительно вывести столь распространенный тезис о том, что Иордан писал о членении славян на три народа – венедов, антов и склавен. Мне кажется, что Иордан достаточно определенно пишет о венедрах как о народе, из которого произошли многие новые народы, но преимущественно склавены и анты. В последнем предложении Иордан совершенно ясно пишет о двух, но никак не о трех народах. Впрочем, далее он, когда речь заходит о походе Германариха против венедов, вновь поясняет, что венеды «...происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венедов, антов и склавенов» [Get., 119]. Таким образом, Иордан сам себе противоречит в двух разных местах своего труда, хотя следует заметить, что второй раз он пишет о венедрах вскользь, ссылаясь на более раннее и подробное объяснение местонахождения и родственных связей этих народов.

Возможно, представление о том, что Иордан писал о тройственном членении славян, получило такое распространение потому, что это совпадает с языковым членением славян на западных, южных и восточных. Однако в то время, когда писал Иордан (первая половина VI в.), по практически единодушному мнению лингвистов, тройственного языкового членения славян еще не было. Этническое имя «венеды» многие исследователи относят к кельтам или иллирийцам. Славяне так себя никогда не называли. Все попытки этимологизировать слово «венеды» на славянской языковой основе нельзя признать убедительными [Филин, с.52].

Племена с таким названием были известны на побережье Адриатики и в



долине По. От названия этого народа происходят названия города Венеция и итальянской провинции Венето. Венетский язык известен по нескольким надписям и был родственен кельтскому, иллирийскому и италийскому языкам [Красновская, с.29-34, 46-52]. Кроме того, этноним “венеты” был известен на северо-западе Галлии, о чем сообщает Юлий Цезарь [De bell. Gall., III, 8-16]. Мы уже говорили выше о том, что кельты (галлы) расселились по Европе из бассейна Дуная. Таким образом, этноним венеды или венеты был характерен для народов Карпато-Дунайского бассейна.

Я уже писал выше о том, что археологи и лингвисты отмечают сильное влияние кельтов и их языка на германские народы континентальной Европы. Присутствие кельтов на юге Польши с III в. до н. э. фиксируют археологи [Кухаренко 1969, с.101]. В Южной Польше обнаружена также топонимия несомненно кельтского происхождения [Трубачев 1991, с.42]. Кроме того, гидронимы западнобалканского происхождения обнаружены как в северной, так и в южной Польше [Milewsky, s.37-86].

Примерно к началу нашей эры кельты на юге Польши были ассимилированы пшеворцами [Кухаренко 1969, с.104]. Влияние кельтской культуры на пшеворскую несомненно. О многих заимствованиях носителями пшеворской культуры у кельтов (посуда, фибулы, украшения) я писал выше. Мы ничего не можем сказать о влиянии кельтов на язык пшеворцев, но в готском языке, который занимал северную Польшу, довольно много кельтских заимствований. Можно предположить, что в языке пшеворского населения, которое непосредственно контактировало с кельтами, их было еще больше. Даже само название пшеворских племен, о котором пишет Тацит, “лугий”, несомненно, кельтского происхождения. Луг – это бог солнца у кельтов. Например, город Лугдун (совр. Лион) – это, собственно, город Луга, Лугоград.

Вполне возможно, как это часто бывало в древности, что имя прежних обитателей данной местности было перенесено на новое население. То есть можно предположить, что, по крайней мере, часть южных племен пшеворцев могла получить среди германских народов имя венедов. Впоследствии, когда пшеворцы переселились на Волынь и Приднестровье, это имя было как-то связано с ассимилировавшими их славянами. Это объясняет тот факт, что Иордан, который пользовался готскими источниками, считает венедов славянами, в то время как византиец Прокопий из Кесарии, писавший в это же время о славянах, ничего о венетах не пишет. Венетами могли называть пшеворцев, а впоследствии и славян, готы. Именно поэтому это имя закрепилось в немецком языке за западными славянами в форме “венды”, а от них попало к эстам и карелам в форме “вене”. Однако, поскольку сами славяне себя так никогда не называли, так же как и прочие соседи славян, у других народов такое название славян неизвестно.

Как мне кажется, перенос этнонима “венеды” с кельтов сперва на пшеворцев, а затем с них на славян подтверждается интересным фактом: у пшеворского населения существовал обычай не просто хоронить мужчин с оружием, но и ритуально его перед этим ломать или сгибать. Причем этот обычай в более раннее время археологи фиксируют у кельтов [Kostrzewski, s.228], а возник он еще в конце VI – V вв. до н. э. [Монгайт, с.186]. Лингвисты допускают, что именно с этой традицией связана славянская группа слов “гибель”, “погибать” [Трубачев 1991, с.42]. Возможно, что так произошло переосмысление славянами кельтского обычая через германское посредничество.

Еще одним примером кельтского влияния на славян посредством германского языка является слово “тын”, которое принадлежало общеславянскому языку. Это слово лингвисты считают производным от кельтского *tin* в значении “частокол”,

“ограда”. Это слово было составной частью кельтских названий многих городов: например, упоминавшиеся выше Новиедун, т. е. Новый город, и Лугдун. Однако то, что в славянский это слово попало в форме “тын”, свидетельствует о его заимствовании из какого-то германского языка с типичным для германцев оглушением “д” в “т” [Филин, с.136].

Таким образом, есть серьезные основания полагать, что славяне в начале нашей эры имели довольно тесные контакты с восточными германцами, подвергшимися сильному кельтскому влиянию. Следовательно, этническое имя “венеды” вполне могло быть перенесено на часть пшеворского населения, а затем на славян, ассимилировавших этих германцев в Приднестровье. Именно поэтому у готов и сложилось впечатление, которое передает Иордан, что славяне происходят от венедов.

Второе племенное славянское имя, которое называет Иордан, – анты. Нет никаких сомнений в том, что Иордан считает антов славянами, так же, как и в том, что отождествление антов с носителями пеньковской культуры справедливо. В пользу этого неопровержимо свидетельствуют хронология и место находок пеньковских древностей: от Днестра до Дуная, как пишет Иордан. Кроме того, славян и антов считает одним народом и Прокопий, прямо указывая, что язык у них один [Proc. V. G., III-VII, 14, 26]. Однако заметим, что, несмотря на наличие единого языка, Прокопий четко отделяет антов от склавинов. Прокопий пишет о проживании славян и антов на левом берегу Дуная [Proc. V. G., I-V, 27, 2]. Между антами и склавинов возникают войны. Анты – ближайшие соседи склавинов [Proc. V. G., III-IV, 40, 5]. Это подтверждается находками смешанных пеньковских и пражских древностей в Подунавье. Именно на основании этих фактов многие ученые считают антов, т. е. пеньковцев, славянами.

Однако, как мы уже отмечали выше, согласно критерию бездиалектности любая

археологическая культура, синхронная пражской, не может быть славянской. Это совершенно очевидно следует из вывода лингвистов о том, что распад славянского языка произошел не ранее VII-VIII вв. н. э., в то время как пражская культура возникла в V в. Почему же письменные источники считают антов славянами?

Пеньковская культура определенно не похожа на пражскую. “Это проявляется в характере домостроительства, составе украшений и в керамическом комплексе. Пеньковская и корчакская (т. е. пражская. – А.А.) посуда совершенно не похожи одна на другую” [Русанова, с.100]. Мы отмечали выше, что пеньковская культура, по мнению археологов, сформировалась на основе киевской, которая, как мы выяснили, была культурой западных балтов. Чрезвычайно важно, что лингвисты обнаружили западнобалтийские заимствования, имеющиеся только в болгарском языке и которых нет в других славянских языках. Следовательно, предки болгар имели когда-то тесные контакты с западными балтами, уже после того, как выделились из общеславянской общности. Кроме того, на Балканах обнаружены спорадические западнобалтийские топонимы [Duridanov 1968, 1969].

Переселение славян на Балканы происходило именно из районов правобережья нижнего Дуная, где найдены пеньковские и пражско-корчакские памятники и о которых письменные источники сообщают как о месте совместного проживания антов и славян. Кроме того, как уже отмечалось выше, балтийские гидронимы в бассейне Роси и Южного Буга, т. е. в ареале пеньковской культуры, могут быть объяснены только балтийской атрибуцией пеньковцев. Для любой другой из ближайших предшествующих культур такая атрибуция исключена. Все эти факты дают достаточные основания для вывода о том, что анты-пеньковцы говорили на западнобалтийском языке.

Расселение пеньковцев на юго-запад от Среднего Поднепровья, на Южный Буг и далее на территорию Молдавии и Румынии, можно объяснить депопуляцией этих районов в результате гуннских и готских войн. Это переселение в свою очередь способствовало продвижению в Среднее Приднепровье населения пражской культуры. Именно потому, что славяне переселялись позже пеньковцев, славянский язык вытеснил балтийский. "...Распространение культуры типа Корчак и Луки Райковецкой (т. е. пражской культуры на разных этапах. – А.А.) в пеньковском ареале, несомненно, связано с продвижением населения с севера... Это движение началось, вероятно, в начале VI в." [Русанова, с.100]. Со временем черты пеньковской культуры исчезают, и на памятниках пеньковского ареала господствует керамика последующего этапа пражской культуры (типа Луки Райковецкой) и славянский тип жилищ (полуземлянки с печами-каменками) [там же].

Таким образом, археологические памятники рисуют картину ассимиляции пеньковцев славянами. Возникает культура смешанного типа, носители которой говорят на одном языке, но отличаются друг от друга особенностями речи, традициями (например, одеждой) и т. п., что позволяло отличать антов от славян. Именно ассимиляцией пеньковского населения славянами объясняется внезапное исчезновение племенного имени антов уже через полвека после написания Иорданом своего труда.

Кроме того, лингвисты утверждают, что западнобалтийские языки наиболее близки к славянскому. Пеньковцы же, судя по всему, говорили на каком-то западнобалтийском языке, причем мы знаем из этой подгруппы только прусский язык; язык же пеньковцев, учитывая географическое положение, мог быть еще ближе к славянскому. Для византийцев близкие друг другу языки антов и славян могли показаться диалектами одного языка, тем более, что в это время

ассимиляция антов славянами уже началась.

Этноним "анты" не является ни славянским, ни балтийским. Вероятнее всего, племенное название "анты", как полагают многие исследователи, производится от древнеиндийского слова *antas* (интересная деталь, вновь подтверждающая, что скифосарматские языки занимали среднее положение между иранскими и индийскими), имеющее значение "конец", "край" [Филин, с.60]. В этом случае племенное имя "анты" означает "живущие на краю". Такое название вполне возможно и находит многочисленные этнографические аналогии. По стечению обстоятельств сегодняшние жители этих мест (украинцы) имеют самоназвание, образованное по тому

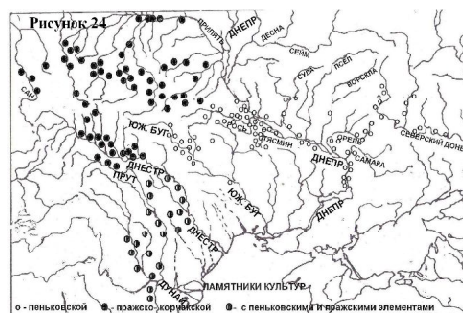


Рисунок 24. Пражская и пеньковская культуры

же принципу. Ареал пеньковской культуры расположен именно по краю степи, и вполне вероятно то, что так называли жителей лесостепи ираноязычные кочевники.

Иордан упоминает еще один этноним в Северном Причерноморье, имеющий отношение к нашему исследованию. Как я отмечал выше, Иордан сообщает, что, попав в землю Ойум, готы вступают в бой с племенем спалов и побеждают [Get., 27], после чего движутся в крайнюю часть Скифии. Кто были эти спалы, неизвестно.

Однако, поскольку происходило это, вероятно, в первой половине III в. н. э., готы могли встретиться в этом районе со славянами, с носителями киевской культуры и с сарматами. Прокопий пишет о спорах как об имени, которое раньше имели склавены и анты [Proc. V. G., III, 14, 19]. О спалейх сообщает Плиний [Plin., VI, 22], который относил расселение этого племени к Танаису. В древности Танаисом называли Северский Донец и нижнее течение Дона.

Вряд ли спалы – это одно из сарматских племен. Античные авторы были неплохо осведомлены о сарматах и упомянули бы об этом. Наверняка спалы – это не славяне, потому что в русском языке сохранилось слово “исполин”. Как я уже говорил, называть великанов именем враждебного народа – явление довольно распространенное. Скорее всего, спалы – это название какой-то группы населения киевской культуры, которая имела контакты с зубрицкой культурой, ведь киевская культура была распространена от Волыни до Северского Донца.

Таким образом, наиболее ранние письменные источники о славянах не опровергают тезиса о бездиалектности славянского языка и, следовательно, о единой славянской культуре V-VI вв. Вместе с тем именно к началу VI в. относятся письменные сведения о расселении славян. Прокопий сообщает, что анты впервые напали на империю в начале правления Юстина I (518-527 гг.) [Proc. V. G., III, 40, 5]. Славяне впервые вторгнутся на территорию империи позднее, в 545 г. [Proc. V. G., III, 13, 24]. Эти даты соответствуют выводам лингвистов о времени распада единого славянского языка.

Расселение славян завершило великое переселение народов. Важно отметить, что в этот период, т. е. с начала V в., в Центральной и Восточной Европе наблюдался самый настоящий регресс. Для черняховской и пшеворской культур были характерны развитое гончарное дело, металлургия, в захоронениях найдено

большое количество фибул, пряжки, подвески, ожерелья, изделия из стекла. В захоронениях пшеворской культуры, кроме этого, найдено много оружия: мечи, копья, шпоры, умбоны от щитов. Многие из этих вещей найдены и на поселениях.

Количество гончарной сероглиняной посуды в конце IV – начале V вв., по сравнению с III-IV вв., постепенно уменьшается, и к VI в. ее производство полностью прекращается; исчезают также большие металлургические центры со многими тысячами горнов одноразовой плавки. Вместо них найдены группы из нескольких таких горнов либо одиночные горны. Из археологических находок исчезают наральники. Резко сокращается количество металлических вещей, почти нет украшений. Характерно, что наиболее ранние славянские захоронения существенно беднее предшествующих захоронений на этой же территории, которые принадлежали черняховской и пшеворской культурам. В захоронениях находят только керамику, и то далеко не всегда, каких-либо вещей практически нет.

Этот период во многих районах Центральной и Восточной Европы характеризуется сильнейшей депопуляцией. Мы уже говорили о том, что примерно к V в. н. э. территория Польши в результате экс-центральных миграций носителей пшеворской и вельбарской культур (восточногерманских племен) практически полностью запустела. Из причерноморских степей на территорию Венгрии также ушла значительная часть населения во главе с гуннами. Кроме того, в результате набегов готов, гуннов и других народов Балканы были опустошены.

Согласно третьему закону резервуара, депопуляция и должна сопровождаться регрессом. Дело не в специфике пражской культуры, примитивной и бедной, а в объективных законах развития. По мере накопления плотности населения последующая стадия развития пражской культуры, культура типа Луки Райковецкой,



характеризується гончарною керамікою, численними знахідками металевих виробів, оздоблених і імпортованих предметів.

Слідом за тим, розселення слов'ян на величезних територіях було можливо тільки тому, що ці території були порожніми. Подивимося, як це було. Раніше за всіх слов'яни з Придністров'я почали заселяти Волинь, спустившись після відходу звідси готів у IV в. Далі слов'янські поселення з'являються в Поліссі. До цього часу носії балтських культур – спочатку київської, а потім генетично пов'язаної з нею колошинської – сильно продвинулися на південь: південніше Прип'яті, на Волинь і південне Полісся. Тут, крім давніх слов'янських гідронімів, виявлено великий масив балтських гідронімів [Трубачев 1968, с.272-273, карта 11]. Цікаво, що назви лівих притоків Прип'яті повторюються на її правому березі. Підраховано, що всього повторюється 16 назв, причому всі ці назви балтські. Зрозуміло, це не може бути випадковістю [Седов 1963, с.123, 124]. Пояснення цьому знайдено вже давно: балти з лівого, північного берега Прип'яті прийшли на правий берег, залишений слов'янами, і принесли з собою звичні їм назви річок [Рыбаков, с.190].

Переселення балтів на південь від Прип'яті, зафіксоване в гідронімах, відповідає пам'ятникам колошинського типу. Вони виявлені в басейні Тетерева, Ужа і на Случі, притоці Горині [Русанова, с.39]. Саме в цьому районі фіксуються балтські гідроніми.

Ймовірно, слов'яни знаходилися під впливом більшого критичного фактора, ніж балти, т. к. їм вдалося знову зайняти свої історичні землі. Археологічні дані дозволяють побачити цей процес. На одному з поселень пражської культури північного Полісся, в околицях якого немає виходів каменя, в найбільш ранньому жителі печі знайдено обпалені глиняні валики,

імітують камінь. По конструкції печі така ж, як ранні печі-каменки в південних районах Придністров'я, де каменя достатньо. Слідом за тим, спочатку слов'яни, намагалися робити печі так, як це роблять у них на батьківщині, і тільки потім навчилися робити глиняні печі [Русанова, с.25]. Відносини з балтами не були мирними, тому в Поліссі виникає одне з небагатьох городищ пражської культури – Хотомель.

На сході, як я вже згадував вище, слов'яни, завдяки тому, що частина пеньковців-антів мігрувала на південь-захід, змогли вселитися в ареал їх культури, а потім повністю їх асимілювати. Міграції антів, а слідом за ними і слов'ян на Балкани також відбулися в умовах депопуляції цих місць внаслідок набегів варварських народів. Дослідники давно звернули увагу на те, що слов'янські топоніми на Балканах і в Греції найбільш поширені в гірських районах [Georgacas, s.77]. Це свідчить про те, що слов'яни спочатку заселяли гірські райони, оскільки вони були залишені жителями. Як випливає з великої кількості прикладів, в умовах зменшення кількості населення сильніше за все порожні найбільш незручні для життя райони.

В Чехію, Словаччину і Угорщину слов'яни проникають не раніше VI в. н. е. Головна маса слов'ян приходить сюди після відходу звідси в Італію лангобардів в 568 г., хоча не виключено, що окремі групи слов'ян почали проникати сюди раніше [Русанова, с.115 і сл.]. Таким чином, знову проявляється принцип, який ми спостерігаємо практично всюди: переселення слов'ян здійснювалося на землі, з яких перед цим відбулися масові міграції населення.

Найдавніші слов'янські пам'ятники між Одером і Заале належать до кінця VI – початку VII вв. Так само, як і в багатьох

других местах, славяне заняли тут почти пустую территорию, которую перед их приходом покинули германцы. Германские поселения V-VI вв. на этой территории немногочисленны, а к VII в. становятся единичными [Русанова, с.137]. Об ассимиляции славянами остатков германского населения свидетельствуют особенности материальной культуры и языка славян междуречья Одера и Заале. Как полагает большинство исследователей, продвижение славян на эту территорию происходило с юга, из Чехии, по течению Эльбы. Об этом свидетельствует близость элементов культуры (керамика, домостроение, погребальный обряд) и наличие общих топонимов [Русанова, с.142].

Не совсем понятно, когда и как пришли славяне на территорию Польши. Как я уже отмечал выше, эта территория рассматривается некоторыми исследователями как центр расселения славян. Однако несомненно, что территория Польши перед приходом сюда славян и балтов была практически пуста. Даже тогда, когда тут расселились славяне, плотность их населения, по подсчетам археологов, составляла лишь 15% от плотности населения предшествующей пшеворской культуры [Godlowsky, s.99]. Вероятно, именно миграции славян с запада Украины привели к высокой концентрации гаплогруппы R1a на территории Польши. Интересно, что лингвисты обнаружили во всех языках западнославянской подгруппы, кроме лужицкого, иранские заимствования [Трубачев 1967]. Присутствие ираноязычных народов на территории Польши и Чехии не фиксируется ни археологически, ни лингвистически (т. е. на основании топонимов). Следовательно, иранские заимствования на эти земли могли быть принесены только миграциями славян с востока, из Приднестровья.

Следует отметить, что до недавнего времени многие исследователи относили памятники суковско-дзедзицкой культуры к памятникам пражского типа [Русанова,

с.152]. Такое смешение, вероятно, объясняется тем, что о балтах в бассейне Вислы и в ее междуречье с Эльбой письменные источники ничего не сообщают, хотя балтские гидронимы, как говорилось выше, тут обнаружены. Славяне расселялись на запад, вероятно, из бассейна Сана, где обнаружены поселения зубрицкой культуры. Вероятно, диалект именно этой группы славян стал основой формирования языков западных славян. Как и везде, славянские миграции направлялись на незаселенные территории, поэтому славяне двигались не на север, в бассейн Вислы, который заняли балты, а вдоль Карпатской горной системы на запад и потом, через Моравские ворота, на территорию Чехии, Словакии, Венгрии. По течению Эльбы славяне, как уже отмечалось выше, проникли на средний Одер в его междуречье с Заале.

Ассимиляция славянами балтов, носителей суковско-дзедзицкой культуры, началось только в VII-VIII вв., когда на ее территории появляется славянская керамика и квадратные в плане полуземлянки с печами-каменками или глинобитными печами [Баран 1988, с.78-79]. Значительную роль в этой ассимиляции сыграли, вероятно, миграции славян со среднего Дуная, влияние которых отмечают археологи в культуре Польши [Русанова, с.173]. Эта ассимиляция не была мирной, о чем свидетельствует появление укрепленных поселений, таких, как, например, Шелиги.

На всех территориях, где найдены памятники пражской культуры, довольно быстро возникали новые культуры, при несомненной связи с ней имеющие существенные отличия. Только на территории Северо-Западной Украины сохраняется преемственность пражской культуры. Тут эта культура впервые была открыта и получила тогда название культуры типа Корчак. Она просуществовала неизменной в течение VI-VII вв. и плавно эволюционировала в культуру VIII-IX вв. типа Луки Райковецкой. "Близость этих



памятников настолько велика, что их следовало бы рассматривать как два периода одной и той же культуры. Памятники типа Луки Райковецкой постепенно распространялись к югу, северу и востоку от корчакской территории. На других территориях славянские культуры сильно отличаются от культуры Луки Райковецкой” [Русанова, с.12]. Вероятнее всего, столь разная эволюция пражской культуры в разных регионах ее распространения обусловлена тем, что на северо-западной Украине не было субстратного населения, т. е. именно этот район и был местом возникновения пражской культуры.

Итак, расселение славян с Волини и из Приднестровья на запад, восток и юг происходило после массовых миграций, так называемого Великого переселения народов, в результате которого эти территории были сильно опустошены. Выше мы подробно рассмотрели ситуацию в лесной зоне Восточной Европы и выяснили, что следствием Великого переселения стали вторичные миграции населения этого большого региона общим результирующим вектором на запад. В результате этих миграций критический коэффициент в лесной зоне Восточной Европы не мог не упасть. В частности, балты ушли из междуречья Верхней Волги и Оки. Отлив балтов отсюда на запад начался в VI-VII вв., а в VIII в. этот регион был почти полностью покинут жителями [Дьяковская культура].

Характерно, что население лесной зоны Восточной Европы примерно с VII в. перестает пользоваться укрепленными городищами и живет в открытых селищах. Таким образом, в лесной зоне Восточной Европы севернее линии Припять – Сейм в результате миграций населения на запад сильно упал критический коэффициент. Именно к этому времени относится начало расселения тут славян.

Расселение славян на больших территориях привело к нарушению контактов между отдельными племенами. Вследствие этого начинается формирование

диалектных различий. Это всегда происходит в форме инноваций, которые охватывают не весь ареал языка, а его отдельные области. Начиная с VI-VII вв., одна группа таких инноваций охватывает только южные и восточные районы славянского населения. Другая группа инноваций охватывала только западные и восточные районы расселения славян. Инноваций же, которые охватывали бы только южных и западных славян, нет [Филин, с.221-222]. Вместе с тем только к VIII-IX вв. относятся инновации, которые свойственны лишь восточнославянскому языку [Филин, с.275].

Такое развитие славянских языков возможно лишь в том случае, если центр миграций славян находился в восточной части их ареала. Именно тут возникали инновации, которые потом распространялись мигрантами либо на юг, либо на запад, связывая, таким образом, восточнославянские языки либо с южнославянскими, либо с западнославянскими. Восточная часть ареала пражской культуры – это территория северо-западной Украины, т. е. Волинь и Верхнее и Среднее Приднестровье. На правобережье Днепра славяне вышли позднее, ассимилировав тут, как отмечалось выше, носителей пеньковской культуры.

В результате исходящих миграций Волинь и Приднестровье потеряли почти все свое население к VIII в. В это время тут было заброшено Зиминское городище, почти не осталось селищ. Центром формирования собственно восточнославянского языка становится Среднее Поднепровье. Именно оно послужило донором миграций, в результате которых славяне ассимилировали население многих районов Восточной Европы. Именно из Среднего Поднепровья славяне вновь заселили опустевшие Волинь и Приднестровье, которые, таким образом, оказались в зоне восточнославянских диалектов. Произошло это не ранее конца IX в. [Насонов, с.138], т. е. тогда, когда восточнославянский язык уже сформировался.

Миграциям славян в лесную зону Восточной Европы предшествовали важные события в степи. После ухода на запад сарматов, готов и прочих народов, составлявших население черняховской культуры, в опустевшие причерноморские степи с востока приходят тюрки. Они говорили на языках болгарской или болгарской языковой группы. Закавказские и византийские хроники называют в это время в степи целый ряд племен: акациры, барсилы, сарагуры, уроги, савиры, авары, утигуры, кутургуры, болгары, хазары. Изобилие племенных названий вовсе не означает такого же изобилия языков или диалектов. Вследствие высокого критического коэффициента в степи постоянно происходили конфликты между разными группами населения, которые то распадались, то объединялись. Арабский путешественник Ибн-Хаукаль, например, сообщает об идентичности хазарского и болгарского языков [Ибн-Хаукаль, с.396]. Кроме тюрков, в причерноморских степях жили и остатки ираноязычного населения – аланы или асы.

VI в. характеризуется постоянными войнами кочевых народов между собой и их набегами на земледельческое население, о чем сообщают византийские и персидские источники. Во второй половине этого века в азиатских степях возник I Тюркский каганат, который начал походы за Волгу, в Закавказье. В первой половине VII в. каганат распался, но междоусобицы среди степного населения продолжались. Все эти факты свидетельствуют о нарастании критического коэффициента у населения степей. Наконец, начинается оседание кочевников на землю. Часть болгар во главе с Аспарухом мигрировала на запад и осела южнее Дуная, основав тут Дунайскую Болгарию. Основная же часть кочевого населения осела в междуречье Днепра и Волги.

Осевшие на землю кочевники образуют салтово-маяцкую культуру. Исследуя памятники этой культуры,

археологи обнаружили, что на лесных участках верхний Северского Донца, Оскола и Дона население обычно хоронило умерших в катакомбных могилах с большим количеством личных вещей и оружия. Кроме того, большинство населения тут было долихокранным, т. е. длинноголовым. Судя по погребальному обряду и антропологическому составу, это население было потомками алан, населявших степи в предшествующий период. Точно такого же типа захоронения долихокранного населения найдены археологами на Северном Кавказе, т. е. там, где аланский (осетинский) язык дожил до наших дней.

Кроме того, в этих же районах лесостепи найдены захоронения совсем другого типа: в ямах с небольшим количеством инвентаря. Умершие, захороненные в этих могилах, принадлежали к брахикранному, т. е. короткоголовому типу. Могильники этого типа расположены отдельно от могильников с катакомбными захоронениями. Основной массив захоронений в ямах располагался южнее, в нижнем течении степных рек – Дона, Донца, на Таманском и Керченском полуостровах и в горном Крыму [Плетнева 1986, с.41-46].

Благодаря исследованиям археологов мы можем реконструировать события, имевшие место в степи во второй половине I тыс. н. э. Первыми в лесостепных районах осели аланы, которые жили в степи до прихода сюда тюрков. Поэтому они заняли наиболее удобные для земледелия лесные земли на Северном Кавказе и в верховьях Донца и Дона. Затем начали переходить к земледелию болгары. Часть из них подселилась к аланам в лесостепи, но критический коэффициент тут был слишком высок, и поэтому болгары оседают в долинах крупных рек степи, там, где можно заниматься лиманным земледелием и рыболовством. Часть болгар уходит в Дунайскую Болгарию, где найдены памятники салтово-маяцкой культуры, часть оседает возле Керченского пролива с его рыбными богатствами и торговыми



возможностями, часть оседает в лесных районах Крыма. Опустевшие степи занимают родственные болгарам хазары, до этого жившие на территории Дагестана [Плетнева 1986, с.21].

Население салтово-маяцкой культуры было объединено в Хазарский каганат со столицей Итиль в дельте Волги. Интересно отметить, что в сохранившемся письме кагана придворному кордовского халифа Хасдаю сообщается, что, поскольку дождей в Хазарии выпадает мало, поля орошаются водой из рек [Коковцев, с.99]. Никаких следов оросительных систем в Волго-Донских степях нет, поэтому очевидно, что речь идет о пойменном земледелии.

Почти одновременно с салтово-маяцкой культурой, хотя, вероятно, несколько ранее, возникает волынцевская культура, которая датируется VII-VIII вв. [117, с.55-57]. Большинство памятников этой культуры расположено на среднем течении Десны, правобережье Среднего Днепра и в Посеймье, а также в верхнем и среднем течении рек Сулы, Псла, Ворсклы. Волынцевская керамика не находит ни прототипов, ни аналогий среди славянской керамики второй половины I тыс. н.э. [Седов 1982, с.137]. Ближайшие аналогии ей обнаруживаются в салтовской посуде [Плетнева 1967, с.103-134]. Подобным салтовскому было и волынцевское домостроительство, отличался только похоронный обряд. Все памятники волынцевской культуры находятся в зоне иранских гидронимов верхнего Днепра, поэтому, вероятно, кочевое ираноязычное население, прежде чем осесть в верховьях Дона и Дона, оседало севернее, на Сейме и Десне.

Чуть позднее возникновения волынцевской культуры примерно на той же территории возникает роменская культура. Как полагают археологи, лепная роменская керамика "обнаруживает несомненную близость с посудой Правобережья Днепра, относящейся к типу Луки Райковецкой. Несмотря на этнографические особенности

роменских памятников, в их создании, несомненно, принимали участие правобережные славянские группировки" [Румянцева, с.60-61]. Отметим, что волынцевское население селилось в неукрепленных селищах [Археология СССР, т.3, с.195], следовательно, критический коэффициент тут оставался низким, что и позволило мигрировать сюда славянам. Волынцевское население проживало на этой территории совместно со славянами, о чем свидетельствуют некоторые находки археологов [Горюнов 1975, с.9].

Лингвисты полагают, что характер иранских гидронимов в бассейне Верхнего Днепра позволяет утверждать, что славяне восприняли эти гидронимы непосредственно от ираноязычного населения, следовательно, оба эти народа здесь когда-то сосуществовали [Топоров, Трубачев, с.244]. Этот факт, а также связи этой культуры с салтово-маяцкой позволяют предположить, что она была создана ираноязычными племенами.

Именно контактами с ираноязычным населением некоторые исследователи объясняют название славянского племени северян, известного позднее по летописям в этих местах. Племенное название северян по происхождению явно не славянское и связывается с иранским "сев", что означает "черный". В этой связи интересно, что в этом регионе есть реки с названиями Сев, Сава, иранское происхождение которых бесспорно [Седов 1982, с.138]. Контакты славян с иранцами не ограничивались левобережьем, т. к. волынцевские памятники найдены и на правобережье среднего Днепра, т. е. там, где возник восточнославянский язык. Весьма возможно, что именно эти контакты привели к иранским заимствованиям в восточнославянском языке, количество которых значительно больше, чем в общеславянском или в языках западных и южных славян. В таком случае, носители волынцевской культуры говорили на сарматском, а не аланском языке, поскольку

в этих заимствованиях имеется индийский элемент, о чем мы говорили выше.

Таким образом, славяне начинают проникать в лесную зону Восточной Европы севернее линии Припять – Сейм не ранее VIII в., т. е. тогда, когда формируется восточнославянский язык. Историки давно заметили, что в письменных восточнославянских источниках район Среднего Поднепровья противопоставляется другим восточнославянским землям как “Русская земля” [Насонов]. Это доказывает, что именно Среднее Поднепровье было центром миграций восточных славян, и именно здесь сформировался восточнославянский язык.

Как полагают и лингвисты [Топоров, Трубачев, с.244], и археологи [Седов 1982, с.116], основной поток славянской колонизации направлялся на север по течению Днепра, причем раньше всего были освоены области на восток от Днепра. Тут доля балтийских названий существенно ниже. Области западнее Днепра осваивались славянами медленнее. Наиболее ранние курганы славян на север от Припяти датируются IX в. [Седов 1982, с.116]. Поэтому балтийское население просуществовало тут дольше, результатом чего явилось большое количество балтийских названий в бассейне Березины. Район на северо-запад от Припятского Полесья сохранил западнобалтийское население вплоть до XIII в. Тут источники фиксируют ятвягов, которые занимали Сувалкию, Верхнее Понеманье, Подляшье и Берестейскую волость. Эти сведения средневековых источников подтверждаются гидронимией, содержащей этноним “ятвяги” на всей территории, на которой найдены погребальные памятники, не имеющие аналогий ни в славянских, ни в восточнобалтийских древностях [Седов 1982, с.119].

Таким образом, в результате первой волны миграций на север славяне ассимилировали население Днепровского бассейна, кроме отдельных районов в его

западной части. Кроме того, славянизированы были Верхнее Подвинье, Приильменье и бассейн Великой, и частично бассейн Верхней Оки. В междуречье Волги и Оки миграция славян началась на рубеже IX и X вв. с северо-запада по рекам Мсте, Мологе и Волге и далее по правым притокам Волги и левым Клязьмы. По археологическим данным, кроме новгородских словен, сюда переселялись весь и смоленские кривичи. Несколько позднее, с конца X – начала XI вв., с юго-запада и юга по Оке и вверх по ее левым притокам расселялись вятичи [Кучкин, с.55]. Впрочем, эти миграции были очень немногочисленными, и только в XI-XII вв. они стали интенсивнее [Горюнова, с.205]. Однако основная масса нового населения пришла в Волго-Окское междуречье в XIII в. Археологические материалы свидетельствуют, что в этот период тут меняется антропологический тип населения. Монголоидные черты, характерные для угро-финнов, становятся менее выраженными, и население становится более европеоидным [там же].

Лингвисты отмечают, что говора восточной части Волго-Окского междуречья заметно отличаются от остальных говоров русского языка [Кузнецов]. Эти миграции происходили уже тогда, когда возникло государство восточных славян, поэтому в источниках нет племенных названий для междуречья Оки и Волги, кроме дославянского населения этого края – “мера” [Повесть временных лет, с.13, 18].

В то же время многие лингвисты отмечают особенности западных русских говоров – новгородских и псковских. Эти особенности сближают западные русские говора с западными славянами [Зализняк]. Такое сближение возможно вследствие архаичности языка, на котором говорили славяне первой волны миграций. Вторая волна миграций, в результате которой славяне заселили Волго-Окское междуречье, последовала через триста лет,



язык новых мигрантов за это время уже существенно изменился.

Кроме того, миграции с правобережной Украины, где гаплогруппа R1a составляла более 50% населения, сформировали в Волго-Окском междуречье массив с примерно такой же частотой этой гаплогруппы.

Таким образом, и антропологические, и лингвистические, и генетические материалы свидетельствуют, что основная масса мигрантов в Волго-Окское междуречье пришла из Среднего Поднепровья. Мигранты принесли на север родные им топонимы: Переяславлю Южному, стоящему на реке Трубеже, соответствуют Переяславль-Залесский и Переяславль-Рязанский, оба на реках Трубежах. Название правого притока Днепра – Лыбеди повторяют две реки Лыбеди: во Владимире и в Рязани [Попов А., с.59-60]. Дублируются и другие речные названия – Почайна, Ирпень, и названия городов – Галич, Перемышль [Толочко, с.196].

Уход населения с территории Украины привел к депопуляции некоторых регионов. Во второй половине XII и в XIII вв. происходит полное запустение верховьев Южного Буга, и упоминания о его центрах встречаются в летописях все реже [Толочко, с.125]. По мнению археологов, населенные пункты на Южном Буге были оставлены населением уже к началу XII в. [Археология СССР, т.3, с.392]. Запустевает также территория Киевщины, т. е. собственно “Русская земля”. Археологи находят тут многочисленные городища, оставленные населением в конце XII – начале XIII вв. Археологи отмечают также уменьшение размеров городищ, возникших в XII-XIII вв. в Среднем Поднепровье, по сравнению с предшествующим периодом [Археология СССР, т.3, с.386].

На опустевших землях начинают оседать кочевники. Археологические находки свидетельствуют о поселениях тюрков в бассейне Роси, верховьях Южного Буга, на Тясмине и левобережье среднего

Днепра [Плетнева 1973; Толочко]. В бассейне Роси возникло племенное объединение осевших на землю тюрков, которых летописи называют “черными клобуками”, сыгравшее значительную роль в истории Киевской Руси.

В соответствии с третьим законом резервуара, депопуляция должна была привести к определенному регрессу. Ослабление Киева в XIII в. очевидно, сколько бы некоторые ученые не доказывали обратное. Можно спорить о том, был ли упадок материальной культуры, хотя даже сторонники тезиса о восходящем развитии Киева вплоть до монгольского нашествия признают ухудшение качества керамических изделий Киевщины [Толочко, с.53], уменьшение объемов каменного строительства в конце XII – начале XIII вв. в Киеве [Толочко, с.74]. Однако никто не станет оспаривать тот факт, что военнополитическое и экономическое значение Киева и Киевщины резко упало, обладание Киевом стало лишь символом верховной власти в восточнославянском государстве. Ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод Большое Гнездо, ни Даниил Романович, получив контроль над Киевом, не собирались туда переселяться.

Следует отметить, что мысль об ослаблении Киева в связи с переселением населения из Среднего Приднепровья на Волгу и Оку не нова. Еще В.Ключевский писал, что ослабление Киева и других важнейших древнерусских земель было вызвано оттоком населения на северо-восток и на запад. Но Ключевский полагал, что это переселение было вызвано натиском кочевников [Ключевский, с.285 и сл.]. Впоследствии это мнение было поддержано многими историками. Этот тезис противоречит нашим выводам, поэтому нам придется рассмотреть ситуацию в степи.

Как уже отмечалось выше, в VII в. в степи произошло оседание кочевников на землю, возникновение Хазарского каганата и его археологической ипостаси – салтово-маяцкой культуры. В конце IX в. происходит

ослабление Хазарского каганата. Причина этого становится понятной, если мы проанализируем археологические материалы. Можно считать доказанным, что население из поселений бассейна Дона и Северского Донца переселилось в лесостепной район на средней Волге. Это переселение происходило в течение VII-IX вв. несколькими волнами [Генинг, Халиков 1964, с.128-129; Красильников 1978]. Поселения на Донце и Дону существовали до X в., хотя имеется небольшое количество находок, относящихся и к X в. [Плетнева, Николаенко 1976, с.293-297]. Именно к X в. относится возникновение Волжской Болгарии. К самому концу IX – началу X вв. относится правление первого известного нам хана Волжской Болгарии Алмуша [Ибн Русте, с.141].

Ибн-Хаукаль, сообщая о событиях 967-968 гг., пишет: “Булгар – маленький городок, и нет у него большого числа округов” [Калинина, с.94]. И это при том, что Булгар был столицей Волжской Болгарии. Уже в начале XII в. другой арабский путешественник, Ал-Гарнати, пишет о Булгаре, что это огромный город [Ал-Гарнати, с.24]. Эти примеры показывают, как быстро росло население Волжской Болгарии.

Языком и Хазарского каганата, и Волжской Болгарии был болгарский язык, резко отличающийся от остальных тюркских языков. Он занимает промежуточное положение между тюркскими и монгольскими языками и содержит максимальное среди тюркских языков число (до 900) соответствий с монгольским. Единственным живым языком болгарской или булгарской подветви тюркских языков является чувашский язык. Благодаря поселению части болгар на Дунае, в современном болгарском (славянском) языке есть довольно много слов, сходных с чувашским языком, которых нет ни в одном тюркском языке. О том, что когда-то предки чувашей жили на Северном Кавказе, свидетельствуют грузинские и армянские заимствования в чувашском языке.

Интересно, что кроме многочисленных иранских заимствований (до 200), в чувашском языке обнаружены десятки индоарийских заимствований [Егоров; Федоров]. Это подтверждает высказанное ранее предположение, что скифо-сарматский язык был промежуточным между иранским и индоарийским, поскольку болгары могли воспринять эти слова только от сарматов. Язык алан не мог быть таким донором, т. к. его прямой потомок, осетинский язык, относится к восточноиранским.

Таким образом, депопуляции степи и лесостепи предшествовало увеличение населения на Средней Волге, причем и археологический, и лингвистический материал свидетельствуют об этнической тождественности этого населения. Политически этот процесс отразился в резком ослаблении Хазарского каганата и усилении Волжской Болгарии. Миграции населения в Среднее Поволжье были вызваны действием первого закона резервуара, поскольку поселения не были уничтожены врагом, а просто оставлены населением. В то же время территория на средней Волге, где позднее началось расселение болгар, как свидетельствуют археологические данные, была практически пуста [Хузин].

Вследствие падения критического коэффициента в степях Хазарского каганата появилась возможность для лесостепных полуседлых племен стать кочевниками. Этой возможностью воспользовались венгры. Легенды о прародине на Востоке, так называемой Великой Венгрии, жили в венгерском народе до современности. В 1235-1236 гг. венгерский монах Юлиан попытался отыскать Великую Венгрию, чтобы обратиться к восточным венграм в христианство. Ему удалось где-то возле реки Итиль (Волга) и какого-то большого болгарского города найти народ, язык которого он понимал [Fodor, p.9-20]. Еще два европейских путешественника, Плато Карпини в 1246 и Рубрук в 1253 гг., упоминают Великую Венгрию, размещая ее



на території Башкирії [Путешествие, с.48, 57, 72]. Из башкирской лесостепи венгры вышли в степи, постепенно перемещаясь на юго-запад. Древнерусская летопись под 898 г. фиксирует проход венгров мимо Киева на запад [ПСРЛ, т. II, с.17-18], в степи на среднем Дунае.

Однако основная масса населения, заполнившая опустевшие причерноморские степи, пришла с востока евразийских степей, как это было уже много раз. В начале X в. в причерноморские степи из-за Волги приходят печенеги [Плетнева 1990, с.19], которые, как и последующие мигранты с востока, говорили на языке, принадлежавшем к западнотюркским. Летопись сообщает о том, что печенеги первый раз пришли на Русь в 915 г. для того, чтобы заключить мир с Игорем [ПСРЛ, т. II, с.32]. Первый раз печенеги напали на Русь в 968 г. в отсутствие Святослава и едва не взяли Киев [ПСРЛ, т. II, с.53]. Таким образом, между приходом печенегов в украинские степи и первой их агрессией против Киевской Руси прошло 50 лет, т. е. достаточное время для заполнения этого резервуара.

Несомненно, печенеги представляли серьезную опасность для восточных славян. Летопись сообщает, что сын Святослава Владимир вынужден был для защиты от них строить города по Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. Интересно, что населять эти города пришлось словенами (ильменскими), кривичами, чудью, вятичами [Повесть временных лет, с.83], т. е. жителями севера. Следовательно, населения Киевщины, т. е. собственно “Русской земли”, для этого не хватало. До нас дошло письмо епископа Бруно к императору Священной Римской империи Генриху II, в котором он описывает свою поездку к печенегам с целью обратить их в христианство. Бруно был в Киеве в 1006 г. и видел, что Владимир оградил свои владения “... отовсюду самым крепким частоколом на весьма большое пространство” [Бруно, с.76].

Однако укрепления не исключали печенежских набегов на пограничные города. Особенно сильным был печенежский натиск в последние годы I – в начале II тыс., когда печенеги использовали княжеские раздоры. Однако после своего укрепления на киевском престоле Ярослав в 1030-х гг. начинает строить города по Роси, т. е., по сути, переходит в наступление и захватывает район, ранее не заселенный восточными славянами [Плетнева 1990, с.21].

Показательно, что натиск печенегов на Византию особенно усилился в начале 990-х гг., т. е. в то же время, что и на Киевскую Русь. Император Алексей Комнин даже был вынужден обратиться за помощью ко всему “христианскому миру”. Это свидетельствует о высоком критическом коэффициенте в причерноморских степях. Однако уже в это же время печенеги начинают проникать на Балканы и особенно в Венгрию, и поселяться там. Сын венгерского короля Золтана (середина X в.) был женат на печенеженке. Венгерские источники сообщают о массовом переселении печенегов во владения венгерских королей, о поселениях печенегов на Тисе. Двум печенежским ханам был отдан во владение город Пешт. Постепенно печенеги были ассимилированы венграми и восприняли их язык и культуру [Расовский].

Именно переселение печенегов привело к ослаблению их натиска на восточнославянские земли. На их место с востока проникают гузы, или, как их называют русские летописи, торки. Как и следовало ожидать, эти новые пришельцы не проявили сразу же воинственности. Места в степи пока хватало, т. к. гузов пришло сюда немного: их основной миграционный поток направился в Переднюю Азию и образовал там турецкое государство Сельджуков. И все же летописи сообщают о походах русских князей против слишком близко подкочевавших к границе торков в 1055 и 1060 гг. [ПСРЛ, т. II, с.152]. Как уже отмечалось выше (об этом

свидетельствуют и археологические материалы, и данные летописей), очень большое количество торков и печенегов осело на границе Киевской Руси со степью, т. е. в лесостепи. Бассейн Роси был населен преимущественно тюрками, и крупнейший город Поросья назывался Торческ [Плетнева 1990, с.73 и сл.].

Вследствие следующего цикла оседания кочевников на землю в причерноморские степи приходят половцы. Историки относят это событие к 1020-м гг. [Плетнева 1990, с.41]. И вновь, как и печенеги, половцы вначале приходят на Русь, чтобы заключить мир, о чем сообщает летописец под 1055 г. [ПСРЛ, т. II, с.150]. Первое нападение половцев на русские земли относится к 1060 г. [ПСРЛ, т. II, с.161]. Таким образом, вновь понадобилось около полувека, чтобы резервуар наполнился снова.

Первоначально половцы нанесли ряд тяжелых поражений восточным славянам. Однако, начиная с конца XI в., ситуация коренным образом меняется. В результате деятельности Владимира Мономаха возникает система коллективных походов князей против половцев. Разумеется, нельзя сказать, что половцы были побеждены и уничтожены. Они продолжали совершать набеги на Киевскую Русь. Особенно много таких набегов было во время княжеских усобиц. Кстати, эти усобицы были результатом ослабления центральной власти вследствие расселения славян в лесной зоне Восточной Европы. Однако походы половцев дальше приграничных районов на территорию Руси, как правило, не углублялись. Обычно летописец пишет о нападениях половцев на пограничные со степью районы, многие из которых были населены осевшими тюрками.

С 90-х гг. XII в. давление половцев на русские земли ослабевает, а с начала XIII в. половцы совсем прекращают набеги на Киевское, Переяславское и Черниговское княжества [Археология УССР, т.3, с.506; Толочко, с.131; Плетнева 1990, с.168]. Однако конец XII – начало XIII вв. был периодом

больших, если не максимальных миграций населения из “Русской земли”. Следовательно, между усилением набегов половцев и миграциями восточных славян из Среднего Поднепровья нет прямой корреляции. Разумеется, нельзя утверждать, что набеги кочевников никак не влияли на депопуляцию этого района. Однако первичным было наличие огромных, практически незаселенных земель в Волго-Окском междуречье, наиболее пригодных для подсечного земледелия, что приводило в действие первый закон резервуара. В этих условиях натиск кочевников мог лишь усиливать миграции, т. е. чем меньше населения оставалось в Среднем Поднепровье, тем меньше было у него возможностей отбить набеги кочевников и тем большим был стимул для дальнейших исходящих миграций. Однако завершился этот процесс уже после татарского нашествия.

Заселение Волго-Окского междуречья создало возможности для формирования русского народа, в результате чего закончился процесс языковой дифференциации славян.

9. Историография.

Читатель, наверное, уже понял, что целью написания этой книги являлась не столько ранняя история славян или, более широко, ранняя этническая история Восточной и Центральной Европы, сколько реконструкция развития человеческого общества на его ранних этапах. Я убежден, что такая реконструкция возможна только на основе определенной методики, потому что наша обычная логика и здравый смысл в этом помочь не могут. Наш здравый смысл основан только на опыте, но условия жизни населения на ранних этапах развития настолько отличаются от тех, которые мы знаем, что выводы, сделанные только на основе здравого смысла и логики, часто просто не могут быть верными. Вот пример, связанный с темой предшествующего раздела. В одной из своих книг А.М.Сахаров



писал: “То, что объединительные процессы были возглавлены северо-восточными русскими князьями, объясняется тем, что именно земли в лесах междуречья Оки и Волги имели в XII-XIII вв. наибольшее экономическое развитие. Это было связано с перемещением части населения с юга, из лесостепной зоны, среднего Поднепровья. Жить там было тревожно вследствие вторжения кочевников – сначала печенегов, потом половцев. Пустели города и села, масса населения уходила на северо-восток” [Сахаров, с.27]. П.П.Толочко возразил Сахарову так: “Думается, что А.М.Сахаров упрощенно понимал как сам колониционный процесс Волго-Окского междуречья, так и его последствия. Ведь освоение новых земель вовсе не предполагает запустения районов, из которых оно осуществляется. Из Среднего Поднепровья, наиболее густо заселенной части Киевской Руси, уходило свободное население, отлив которого не только не приводил к экономическому упадку районов выселения, а скорее способствовал их дальнейшему развитию” [Толочко].

Я надеюсь, что, если читатель внимательно прочел эту книгу, то мне нет необходимости объяснять, почему П.П.Толочко неправ, хотя его мнение, безусловно, логично и основано на здравом смысле. Именно поэтому я поместил историографический раздел не в начале книги, как это обычно делается, а в конце. Я хотел, чтобы читатель понял, что законы развития общества на разных этапах его развития разные. Если мы говорим о периоде активных миграций, когда население было занято скотоводством и самыми примитивными формами земледелия, то хорошо известные нам представления об обществе, живущем за счет трехполья, оказываются совершенно неприемлемыми. Вместо общества, известного нам, например, по древнерусским летописям, с многочисленным, прочно оседлым, миролюбивым населением, живущим вековыми традициями, перед нашим

мысленным взором встают маленькие группы людей, рассеянных на огромных пространствах, людей воинственных, готовых сорваться со своих родных мест, забыть свои традиции и уйти очень далеко в совершенно чужие земли.

Именно так описывают византийские писатели славян VI-VII вв. Прокопий пишет о славянах так: “Живут они в жалких хижинах на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют место жительства” [Proc., V.G., III-VII, 14, 24]. “Они жили, занимая страну разбросанно, отдельными селениями. Потому и земли им нужно много” [Proc., V.G., III-VII, 14, 29-30]. И Прокопий, и Иоанн Эфесский пишут о славянах как о жителях лесов. По сообщению псевдо-Маврикия, славяне селились “в лесах возле труднопроходимых рек, болот и озер” [Стратегикон, XI]. Привязка поселений к лесам, частая смена места поселений, низкая плотность населения – все это свидетельства того, что славяне, как, впрочем, и другие народы Северо-Восточной и Северной Европы, в первую очередь германцы, практиковали подсечное земледелие и, разумеется, пастбищное скотоводство. Вот что писал о германцах Тацит: “... хотя они ежегодно сменяют пашню, у них всегда остается излишек полей” [Germ., 26]. То же писал о германцах и Цезарь: “... им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания земли” [De bell. Gall., IV, 1]. В условиях лесной зоны такое земледелие, скорее всего, было подсечным. Например, очевидцы сообщают, что в России в конце XVIII – начале XIX вв. подсека после выжига засеивалась только один раз, а затем забрасывалась [Лепехин, ч.3, с.240; Чубинский, с.17]. Позднее, по мере роста плотности населения, подсеку обычно засеивали как минимум 2-3 раза.

Археологические данные свидетельствуют, что поселения германцев, так же как и славян, были маленькими и недолговечными. Интересная деталь: после обнаружения так называемых “древних

полей” в Дании, Голландии, на севере Германии, на Британских островах, в Скандинавии свидетельства античных писателей о подвижной системе земледелия у германцев были поставлены под сомнение [Гуревич, с.104]. Поля эти стало возможным обнаружить благодаря межам, несколько возвышающимся над ними и хорошо видимым при аэрофотосъемке. Древние поля находят рядом с поселениями, и датируются они периодом с начала железного века до эпохи Великого переселения [там же]. Нет сомнения в том, что эти поля находились под обработкой длительное время, однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что, хотя площадь отдельных участков в полях сильно колеблется, в среднем она меньше гектара [Jankuhn, s.151 fl.]. Совершенно очевидно, что такие участки были недостаточны для того, чтобы обеспечить среднюю семью продовольствием.

По-видимому, археологические данные свидетельствуют о хорошо известной этнографам ситуации, когда возле селения находятся участки, обрабатываемые интенсивно, но основная доля продукции, согласно принципу достаточности, производится на подсеке. Этот этап интенсификации зафиксирован русской поговоркой “Не поле кормит, а нива” [Даль, с.544], понять которую можно только, если знать, что нива – это участок на подсеке [там же], а поле – лишние деревьев земли, обрабатываемые длительный срок. Сохранились свидетельства очевидца, относящиеся к 70-м гг. XIX в.: “Кроме обыкновенных полей крестьяне ... сеяли хлеб на подсеках... Подсеки эти назывались в Кореле “нивами”” [Чубинский, с.16-17]. Такие же сведения сохранились для севера России [Щекотов. Сельскохозяйственная культура, с.116] и для Белоруссии [Левитский, с.11]. На Украине в Черниговской губернии в середине XIX в. “...почти каждый крестьянин или собственник имел две делянки земли, одну расположенную около поселения и другую

в лесах”, причем все удобрения вносились на малую делянку возле поселения [Есимонтовский, с.4].

Приведенный выше пример еще раз подтверждает мысль о том, что для понимания исторических процессов прежде всего нужна методика. Однако в исторической науке сложилась странная ситуация, когда необходимость создания моделей развития и выработка на их основе методики вообще отрицается. В англоязычной историографии для подобного подхода даже возник термин “туннельное видение” [Brucker, p.7]. Исследовательский процесс в любой науке проходит две стадии: установление фактов и поиск закономерностей на основе этих фактов. Единственное исключение – это математика, наука абстрактная и в фактах не нуждающаяся. Коллекционирование фактов без создания на их основе обобщающих моделей превращает историю из науки в некое подобие художественной литературы. Как мне кажется, на постсоветском пространстве этот подход достиг своей завершенности. Впрочем, это неудивительно, если учесть, что на протяжении более 70 лет считалось, что самая совершенная методика исторических исследований открыта Марксом и Энгельсом, и ничего нового в этой области сделать нельзя в принципе.

Маркс, несомненно, был величайшим ученым, и его вклад в науку не оценим. Вместе с тем очевидно, что модель Маркса не может объяснить многие факты развития, твердо установленные наукой. В частности, согласно модели Маркса, в классовых обществах прогресс есть результат классовой борьбы, а в бесклассовых он происходит вследствие несоответствия между потребностями общества и имеющимися возможностями их удовлетворения. Иными словами, потребности людей являются главным двигателем прогресса. Однако люди из-за низкой производительности труда не могут их в полной мере удовлетворить. Чтобы



поднять производительность труда, люди внедряют инновации – новые орудия труда и технологии, которые поднимают производительность труда. Это в конечном счете позволяет обществу производить некий избыток материальных благ, прибавочный продукт, по терминологии Маркса, в отличие от необходимого продукта, который идет на поддержание жизни производителя. Как только возникает возможность производить прибавочный продукт, в обществе сразу же находятся люди, которые разными способами добиваются от непосредственного производителя, чтобы он этот прибавочный продукт производил, присваивают его себе и таким образом живут. Возникают разделение труда, стратификация общества и государство.

Однако науке известно множество фактов, которые не укладываются в эту схему. Все они противоречат основополагающим тезисам Маркса о постепенном росте производительности труда и стремлении населения увеличить свой объем потребления. Я уже приводил выше некоторые факты, свидетельствующие о том, что переход к земледелию, например, сопровождался не ростом, а падением производительности труда. Собственно говоря, закон Бозеруп сам по себе в принципе опровергает тезис Маркса о том, что производительность труда в процессе развития общества росла, а ведь фактов, подтверждающих закон Бозеруп, собрано огромное количество.

Кроме того, мы уже приводили многочисленные примеры того, что отсталые народы вовсе не горят желанием применять более передовые, а значит, по Марксу, более производительные технологии в сельском хозяйстве. Если модель развития Маркса утверждает, образно говоря, что население хочет, но не может производить продукции больше, то предлагаемая мною модель исходит из положения, что население может, но не хочет производить продукции больше, чем это нужно для удовлетворения своих

потребностей. Стратификация общества возникает не потому, что появился прибавочный продукт, а потому, что в ней возникла необходимость и население готово работать немного больше и отдать часть своей продукции представителям высших социальных страт. Нельзя же всерьез полагать, что горстка военных вождей и их воинов, составляющая самое большее несколько процентов от всего населения, только силой заставляла население отдавать часть продукции? Социальная организация была нужна населению для защиты от внешних врагов и поддержания внутреннего порядка, а потребность в ней возникает лишь тогда, когда плотность населения и критический коэффициент становятся достаточно для этого высокими. Небольшой пример: у эскимосов-нетсилингов, которые ни с кем не воевали, племенных вождей не было, а у эскимосов, живших в XVII в. на Лабрадоре и враждовавших с индейцами, они были. Вместе с тем эскимосы не имели какой-либо формы власти, когда в летнее время кочевали небольшими группами, но, когда они на зиму перебирались в относительно крупные зимние поселки, в них возникала сезонная властная организация, которая была нужна, чтобы поддерживать общественный порядок [История первобытного общества, с.463]. Нельзя всерьез полагать, что именно зимой у эскимосов появлялся прибавочный продукт.

Если обобщить все факты, относящиеся к развитию доиндустриальных обществ, которые модель Маркса не может объяснить, то их можно разделить на две группы. Во-первых, модель Маркса является линейной, т. е. согласно ей схема прогресса одинакова для всех без исключения обществ, независимо от природных факторов. Но любой историк знает, насколько специфичной является история каждой страны, вследствие чего невозможно свести развитие разных стран к стройной системе общественных формаций. Во-вторых, разные страны развиваются с разной

скоростью, то обгоняя других, то отставая, то вообще прекращая развитие.

Недостатки модели Маркса сами по себе не были бы столь губительны для нашей науки, если бы не догматизм в ее применении. Поэтому многие историки, хотя и были вынуждены отдать дань цитированию Маркса и толкованию исторических феноменов с точки зрения его модели, объясняли особенности развития отдельных стран традициями. В результате этого традиции стали важным компонентом модели развития, принятой в советской науке. Как мне кажется, этот подход настолько распространен и сегодня, что следует на нем остановиться более подробно.

Обычно особенности развития объясняются следующим образом: если очевидно, что страна А развивалась быстрее страны В, то в работах историков можно встретить замечания о том, что в стране В традиции были сильнее, чем в стране А. Совершенно логичным в этой связи является вопрос: почему в одной стране традиции сильнее, чем в другой? Однако ответа на него нет.

Как мне кажется, объяснение особенностей развития традициями может лишь умилить своей наивностью. Оно, по сути дела, ничего не объясняет, а всего лишь сводит все проблемы к некоей мистической силе, которая, раз почему-то возникнув, потом долго не выпускает общество из-под своего влияния и мешает ему развиваться так, как оно могло бы развиваться.

С моей точки зрения, традиция – это способ решения жизненной проблемы, закрепленный в общественном сознании. Это закрепление происходит только потому, что традиции – это самый рациональный способ решения жизненной проблемы в данной природной обстановке при данном уровне развития населения. Таким образом, традиции при неизменных условиях жизни общества всегда рациональны. Полагать же, что люди достаточно долго будут следовать традициям во вред себе, – нелепость.

Если мы не понимаем поведения людей прошлого, то это не означает, что в их действиях нет логики. Нужно пытаться понять эту логику, а не сводить все к непонятной силе традиций. Мы не понимаем поведения наших предков, как и наших современников из отсталых обществ, только потому, что не знаем законов развития. Например, администрации многих отсталых стран долго боролись с подсечно-огневым земледелием. Когда у местного населения спрашивали, почему оно упорно, несмотря на все запреты властей, продолжает его практиковать, эти люди как раз и объясняли это тем, что при подсечном земледелии труда нужно меньше, а результат будет больше, чем при пашенном. Иными словами, при подсечном земледелии производительность труда выше. Поверить в это представители более развитых обществ не могли. Их опыт говорил им, что в современных обществах производительность труда в сельском хозяйстве неизмеримо выше, чем в отсталых с примитивной агротехникой. Сейчас мы уже знаем, в чем причина такого парадокса: интенсификация земледелия за счет увеличения трудозатрат на единицу площади действительно ведет к падению производительности труда, а в современных обществах развитие земледелия происходит главным образом не за счет роста трудозатрат, а за счет применения достижений науки и техники. Но приверженность населения отсталых стран подсечно-огневому земледелию объяснялась именно силой традиций.

Традиции вырабатываются достаточно долго именно потому, что общество подбирает оптимальные способы решения своих жизненных проблем. Постепенно формируется целый комплекс традиций, который охватывает все аспекты жизни населения. Такие общества даже получили название традиционных. Собственно говоря, традиционные общества – это доиндустриальные общества, которые находятся, пользуясь предложенной нами



терминологией, либо в стационарном состоянии, либо в фазе незаполненного резервуара. Характерной чертой таких обществ является отсутствие развития. Именно в этом и состоит причина приверженности таких обществ традициям. Ведь, если изменения почти не происходят, не меняются и условия жизни, следовательно, традиционные методы решения жизненных проблем остаются оптимальными. В этом случае изменения будут просто вредными, т. е. результат их будет хуже оптимального. Следовательно, дело не в силе традиций, а в неизменности условий существования данного общества. Изменяются условия – очень быстро изменяются и традиции. Например, хорошо известно, что в России традиционным был принудительный общинный передел земель. На землях исторического ядра России этот обычай уходит в прошлое настолько далеко, что мы не знаем точно, когда он возник. Просуществовал же этот обычай до коллективизации, т. е. был прерван искусственно. Следует ли в этом случае традицию общинных переделов земли рассматривать как некое свойство русского народа, присущее ему имманентно?

Однако есть и другие примеры, когда русское население жило по другой традиции. Например, в начале XVIII в. у казенных крестьян Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской и Казанской губерний не было переделной общины. Земля находилась в свободном обороте, крестьяне продавали и покупали ее, среди землевладельцев были лица разных состояний. Среди крестьян существовало значительное неравенство. Неимущие и малоимущие крестьяне добивались от правительства запрещения на владение землей не крестьянами и введения переделов. В 1754 г. вышел указ о запрете владеть землей лицам других состояний и конфискации их земель в пользу крестьян. В 1766 г. был запрещен оборот земель между крестьянами, а в 1781 введены переделы. Аналогично развивались события и у

однородцев – потомков московских служилых людей, поселенных на южной окраине. К началу XVIII в. у них не было ни общины, ни переделов, но в течение XVIII – первой половины XIX вв. однородцы по собственному желанию перешли к земельным переделам [Миронов, с.369]. Как объяснить эти факты? Если обычай общинных переделов был так свойствен русским людям, почему они его утеряли при переселении? И, что еще более интересно, почему в некоторый период времени они его вновь приобрели?

Ответы на эти вопросы дает нам предлагаемая модель развития. Переселение на север и северо-восток происходило преимущественно в течение XIV-XVII вв. Общим для этого периода было то, что переселение происходило главным образом по инициативе самих крестьян на их собственный страх и риск. Поэтому, когда крестьяне расселялись на новых землях, они действовали так, как им было лучше, т. е. оптимально. Поскольку земли эти были заселены слабо, критический коэффициент был низок, то земли хватало всем. Следовательно, не было необходимости в переделах. Поэтому крестьяне распоряжались землей свободно. Но, как только плотность населения приблизилась к критической, земли перестало хватать всем, основная масса населения, т. е. те, кто победнее, стала требовать введения переделов. В условиях, когда переделы были нормальным явлением в центре страны, правительство пошло навстречу большинству и ввело переделы принудительно, запретив владеть землей не крестьянам. Аналогичным образом у однородцев, которые были лично свободными и пользовались землей по своему усмотрению, первоначально переделы отсутствовали. Но, как только плотность населения приблизилась к критической, опять-таки под давлением большинства, они ввели у себя переделы. Следует отметить, что переход к переделной общине происходил именно

под давлением большинства, т. к. более трудолюбивое и предприимчивое меньшинство от отсутствия переделов выигрывало. Эгалитаризм, т. е. принудительное уравнивание состояний, – обязательный лозунг крестьянского большинства во время всех революций.

Примеров того, что традиции возникают именно под влиянием внешних для общества условий, можно привести множество. Например, любовь англичан к овсянке вошла в поговорку. В то же время у других наций есть свои особо любимые продукты питания, скажем, рис у японцев или мамалыга у румын. Причина этой любви, разумеется, в традициях, но сами-то традиции возникли под влиянием окружающей среды. В сыром и прохладном морском климате Англии из всех злаков лучше всего растет именно овес, как наиболее влагостойкое злаковое растение. В то же время в теплом и влажном климате Японии рис, несомненно, оптимальное растение для выращивания из всех злаковых. Хотя там может неплохо расти и овес, но урожайность и питательность риса просто не имеют конкурентов в данных природных условиях. В то же время в жарком и сухом климате Румынии, на богатых черноземах именно кукуруза дает самые высокие урожаи. Хотя хорошо известно, что так было не всегда. До того времени, когда кукуруза попала в Европу, она просто не могла вытеснить другие злаки, скажем, ту же пшеницу, которая, кстати говоря, в Румынии продолжает выращиваться в больших количествах, но является менее урожайной, а значит, и более дорогой, чем кукуруза. Другой пример такого же рода: в Германии еще в XVIII в. слуги отказывались поступать на службу, если хозяин не давал обязательства, что будет кормить их исключительно зерновыми и не будет давать картофель. Однако прошло время, и картофель, как более дешевый продукт питания, скоро стал самой распространенной пищей большей части населения Германии, и сегодня Германия –

страна с богатыми “картофельными” традициями в питании.

Примеры с традициями в питании достаточно очевидны, но стоит только обратиться к другим традициям, все становится не так просто. В традиционном обществе, т. е. доиндустриальном обществе со слабым развитием, практически все делается традиционно. Человек питается традиционной пищей, приготовленной по традиционным технологиям из традиционных продуктов, произведенных по традиционной агротехнике. Он одет в одежду, скроенную и сшитую по традиции из традиционных материалов, полученных из традиционного сырья по традиционной технологии. Он живет в жилище, архитектура которого традиционна, выстроено оно также из традиционных материалов по традиционной технологии. При рождении над таким человеком совершают традиционные обряды, он отмечает традиционные праздники с традиционными блюдами и обрядами. Он вступает в брак по традиционным обрядам и, наконец, когда он умрет, его похоронят по традиции. Однако и в самых современных постиндустриальных обществах существуют традиции, которые возникли очень давно и слабо меняются с течением времени. Эти традиции связаны с культурно-идеологической стороной жизни общества: с праздниками, рождением, браком, похоронами. В то же время все, что имеет отношение к материальной стороне жизни – производство, обмен, деловая жизнь, – никак не связаны традициями. Причина этого состоит в том, что в современном обществе условия производства и обмена меняются стремительно. То же, что должно удовлетворять сравнительно слабо меняющиеся потребности человека, меняется медленно. В самом деле, вследствие роста уровня развития растет и уровень потребностей, и производство также должно развиваться, чтобы обеспечить соответствующий уровень потребления. Но современный человек, как



и его далекие предки с более низким уровнем развития, испытывает потребность в празднике, в отдыхе от будней, поэтому многие современные праздничные ритуалы мало чем принципиально отличаются от ритуалов, принятых в более примитивных обществах. Они отличаются лишь в той степени, в какой выросший уровень потребностей требует изменения этих ритуалов. Если же традиционные праздничные ритуалы удовлетворяют уровень потребностей современного человека, то тогда зачем же их менять. Скажем, во время праздника принято наедаться, что называется, до отвала. Почему – понятно каждому: сытому человеку хорошо. Эта черта присуща практически всем народам, от самых примитивных до самых высокоразвитых, и имеет своей основой биологическое единство человечества.

Таким образом, в традиционных обществах так сильны традиции только потому, что эти общества почти не развиваются. Следовательно, не меняются условия, в которых эти общества существуют, поэтому традиции как оптимальные способы решения жизненных проблем также не меняются. Объяснять же отсутствие развития в традиционных обществах сильными традициями – это значит объяснять причину ее следствием. Из предлагаемой модели развития следует, что не потому нет развития, что сильны традиции, а потому сильны традиции, что нет развития. Традиции могут влиять на ход развития только одним способом: они создают определенную задержку в реакции общества на изменившиеся условия. Изменение условий предполагает изменение способов решения жизненных проблем. Обществу, которое решало все жизненные проблемы традиционно, необходимо понять, что условия жизни изменились и традиционные методы решения жизненных проблем перестали быть оптимальными. Для этого нужно определенное время, так же, как и для того,

чтобы члены общества могли выработать новую линию поведения при решении жизненных проблем.

Теперь вернемся к проблеме ранней истории славян. Одной из целей написания этой книги было показать, что история языка в малой степени связана с его носителями и есть во многом результат случайный. Часто общность языка понимается как общность происхождения, но, как показывают генетические и антропологические исследования, часто между носителями близких языков нет соответствующей биологической близости. Только благодаря уникальному свойству языка сохранять свою систему, в исторической перспективе не произошло смешения различных языков, как постоянно происходило и происходит смешение культур и антропологических типов. И тем не менее нельзя сказать, что исследования ранней этнической истории не имеют смысла. Благодаря таким исследованиям у нас есть возможность лучше понять развитие человечества.

О ранней истории славян написано очень много, но сегодня нет смысла говорить о гипотезах, разработанных ранее 70-х гг. прошлого века. До этого времени археологическая база данных не позволяла делать предположения, представляющие интерес и сегодня. С определенной долей условности все гипотезы о происхождении славян можно разделить на две группы: разработанные археологами на материалах археологии и лингвистами на материалах лингвистики. Разумеется, и археологи привлекают материалы лингвистов, и лингвисты привлекают материалы археологов, но всегда представитель определенной науки опирается на те материалы, которые ему ближе. Нужно сказать, что гипотезы лингвистов настолько умозрительны и неопределенны, что их трудно принимать всерьез. Примером является гипотеза О.Н.Трубачева о прародине славян в бассейне Среднего Дуная [Трубачев 1991]. Эту гипотезу Трубачев строил лишь на топонимике и

некоторых лингвистических наблюдениях, никак не обосновывая ее археологически. Сегодня же археологический материал не только позволяет, но и требует указывать конкретные археологические культуры или группы как гипотетических носителей тех или иных языков.

Из гипотез археологов прежде всего нужно сказать о гипотезе Б.А.Рыбакова [Рыбаков]. Суть ее состоит в том, что все культуры, находящиеся в основном ареале пражской культуры, с середины II тыс. до н. э. были славянскими. Сегодня такой “укрупненный” подход не может быть принят, поскольку благодаря накопленному археологическому материалу можно и нужно показать, как носители того или иного языка формировали последовательную цепь культур, их, так сказать, “переход из одной культуры в другую”.

В этом смысле достаточно обоснованной является гипотеза И.П.Русановой [Русанова]. Основываясь на многочисленных измерениях керамики, она доказала сходство пражской керамики с некоторыми типами пшеворской керамики. Далее, опять-таки опираясь на параметры керамики, Русанова находит сходство керамики пшеворской и подклошевой культур. Отсюда делается вывод о последовательной цепочке славянских культур: пражская, пшеворская и подклошевая. С археологической точки зрения выводы Русановой почти безупречны, но они не выдерживают проверки лингвистическими данными, поскольку германские связи пшеворской культуры можно считать доказанными. Следует отметить, что Русанова отрицала славянскую атрибуцию пеньковской культуры и на основе археологических данных показывала постепенный процесс ассимиляции антов славянами – носителями пражской культуры.

В.В.Седов написал много работ о ранней истории славян, больше других современных авторов. Вклад Седова в изучение данной проблемы настолько велик,

что его взгляды нужно рассмотреть подробно. Взгляды Седова менялись, иногда значительно, поэтому я буду анализировать его последнюю книгу [Седов 2002]. Свою реконструкцию ранней истории славян Седов, так же, как автор этих строк, начинает с Передней Азии, основываясь на работе Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова. Однако далее он опирается на работу Г.Краэ [Krahe], суть которой состоит в том, что иллиро-кельто-италийские и германо-балто-славянские языки составляли единую общность тогда, когда остальные индоевропейские языки уже отделились. Эта общность, называемая древнеевропейской, занимала Карпато-Дунайский бассейн, и археологически ей соответствовала культурная общность полей погребальных урн. Расселение населения этой общности привело к формированию отдельных языков: иллирийцев, кельтов, италиков, германцев и славян. Балтов Седов не включает в число тех языков, которые возникли в результате распада общности полей погребальных урн, а выводит их формирование из культурной общности шнуровой керамики [Седов 2002, с.63]. Это явная неувязка с фактами, потому что балтские языки должны относиться к древнеевропейским, однако балтские культуры не имеют связей с культурной общностью полей погребальных урн. Кроме того, существует давняя традиция возводить балтов именно к шнуровикам, и Седов ранее ее придерживался [Sedovs 1992].

Возникновение славян Седов связывает с лужицкой культурой, часть населения которой проникает в Восточную Прибалтику и тут участвует в формировании культуры западнобалтийских курганов, которая, по мнению Седова, была западнобалтийской. На основе этой культуры возникает поморская культура. Расселение носителей поморской культуры по ареалу лужицкой и возникновение вследствие этого культуры подклошевых погребений знаменует появление славян. Таким образом, язык славян восходит к древнеевропейской общности, но при этом он связан и с



западнобалтійським через контакти с поморської культурой. То, що поморська культура мала несомненні зв'язи со Скандинавією, Седов пояснює міграціями невеличких груп населення, внаслідок чого ассимилювалися поморцями.

В результаті проникнення в Польщу кельтів і наступного зміщення кельтів і населення культури підкльошевих погребень виникає пшеворська культура. По думці Седова, ця культура – славянська. Однак існує велике кількість археологічних зв'язей пшеворської культури з германцями. Крім того, пшеворці навіть брали участь в війнах германців в Галії [Щукин 1994, с.172-173]. Тому Седов передбачає, що західна частина пшеворської культури була германською, а східна – славянською. Однак, як стверджують археологи, немає жодних підстав розділяти пшеворську культуру на дві частини [Щукин 2001].

Далі починаються міграції носіїв пшеворської (славян) і вельбарської (готи) культур в Причорномор'ї, де вони в сумі з сарматами утворюють черняхівську культуру. В складі цієї культури слав'яни утворюють два масиви: в Середньому і Верхньому Придніпров'ї і в лісостеповій смузі від Подільської височини до Середнього Подніпров'я. Після зникнення черняхівської культури на основі цих масивів формуються пражсько-корчакська і пеньківська культури.

В реконструкції, запропонованій Седовим, германські зв'язі слав'ян несравненно сильніші балтійських. Згідно з цією реконструкцією, слав'яни (підкльошева культура) знаходилися в тісних контактах з західними балтами (поморська культура) 400 років (с VI по II вв. до н. е.), а з германцями – 600 років, в складі пшеворської і черняхівської культур (с II в. до н. е. по IV в. н. е.). Крім того, якщо підкльошева культура трохи відрізнялася від поморської, то в складі пшеворської і черняхівської культур слав'яни археологічно нерозличимі.

Крім того, незрозуміло, чому, якщо археологічні знахідки свідчать про спільне проживання пшеворців і готів в складі черняхівської культури, в мові останніх не залишилося слідів цих контактів.

Далі, археологічні знахідки свідчать про утворення пеньківської культури на основі міграцій на південь населення киевської культури, і Седов ці міграції визнає [Седов 2002, с.212], але впевнений в тому, що носії киевської культури (балти) були ассимилювані в Середньому Подніпров'ї рештками черняхівського населення. Така реконструкція формування пеньківської культури маловірогідна і з лінгвістичної точки зору, оскільки передбачає розділення общеслав'янської мови на дві, а не на три групи, причому не в VI-VII вв., як випливає з висновків лінгвістів, а на двісті або навіть триста років раніше.

При реконструкції розселення слав'ян Седов зараховує до слав'янських цілий ряд культур: волинцевську, суковсько-дзедзицьку, тушемлінську, довгих курганів. Волинцевську культуру він отождествляє з "Руським каганатом" письмових джерел, хоча раніше сам висловлював думку, що волинцевська кераміка зовсім не схожа на слав'янську кераміку другої половини I тис. н. е. [Седов 1982, с.137]. Те ж саме можна сказати про тушемлінську культуру. Тушемлінська культура – ровесниця пражської і відрізняється від неї сотнями кілометрів, відповідно, згідно з критерієм бездіалектності, вона не може бути слав'янською. Раніше Седов стверджував, що преемственность між тушемлінською і днепродніпровською культурами непересомнена [Седов 1970, с.39]. Правда, Седов давно висловлював впевненість в слав'янській атрибуції культури довгих курганів, але при всьому бажанні не можна сказати, на чому вона базується. Суковсько-дзедзицька культура молодше пражської, але сильно відрізняється від неї керамікою,

домостроительством и похоронным обрядом и имеет несомненные связи, как отмечалось выше, с культурами западных балтов и тушемлинской культурой.

Таким образом, все эти культуры восходят либо к днепро-двинской, либо к культуре штрихованной керамики. Славян тут просто не может быть до VIII-IX вв., когда археологические материалы свидетельствуют о миграциях с юга, которые принесли сюда культуру Киевской Руси. Других миграций в этот регион не было, следовательно, не могло быть смены этноса. Это Седов прекрасно понимал, поэтому высказал предположение, что в лесную зону Восточной Европы в V в. н. э. имели место массовые миграции “среднеевропейского населения” [Седов 2002, с.354 и сл.], под которыми понимается переселение славян с территории Польши на восток. Следы этих миграций Седов видел в распространении в это время в лесной зоне Восточной Европы предметов, имеющих несомненные аналогии в западных культурах: шпор, оружия, украшений, бритв и некоторых других. Не всякий археолог возьмет на себя смелость утверждать на этом основании, что имели место миграции, тем более такие массовые, что привели к смене языка, но никак не отразились на основных элементах культуры: домостроительстве, керамике или похоронном обряде. Как мне кажется, более осторожным и правильным было бы сделать вывод, что мы имеем дело с импортами, тем более, что на карте находок среднеевропейских предметов [Седов 2002, рис.74, с.361] не менее трети этих находок была сделана на территории Литвы и Латвии.

Примерно так же обстоит дело с височными кольцами. Седов считал эти кольца несомненным маркером славянского населения на том основании, что славяне их носили в эпоху Киевской Руси. Некоторые типы этих колец были распространены на территории тушемлинской и суковско-дзедзицкой культур, культур длинных курганов и угро-финских: мерянской и муромской. По мнению Седова, финны эти

кольца позаимствовали, а вот все остальные культуры, где такие кольца носили, были несомненно славянскими. Тот же факт, что много таких колец найдено на территории Восточной Литвы [Седов 2002, рис.80, с.386], Седов объясняет оригинальной гипотезой о том, что местное неславянское население брало себе жен-славянок, которые носили височные кольца, а затем откуда-то сюда пришли предки литовцев, создавшие культуру восточнолитовских курганов.

Многолетний и неподдельный интерес В.В.Седова к славянской проблеме, его огромное трудолюбие вызывают у меня глубокое уважение, но мне искренне жаль, что такой талантливый исследователь, вместо того, чтобы следовать за фактами, пытался иногда строить гипотезы на основании своих априорных представлений.

Интересна точка зрения на проблему происхождения славян В.Д.Барана и его учеников Д.Н.Козака и Р.В.Терпиловского [Баран, Козак, Терпиловский 1991]. Именно эта группа ученых открыла в Поднестровье памятники, которые можно считать непосредственными предшественниками пражской культуры. Однако они полагают, что открытые ими памятники не были единственно славянскими и причисляют к славянским целый ряд культур: поморско-подклошевую, зарубинецкую, поскольку носители зарубинецкой культуры образовали на Волыни и в Приднестровье зубрицкую культуру. Пшеворская культура в целом признается германской, но в ней есть славянский компонент, который в Приднестровье также участвовал в создании зубрицкой культуры. На основании славянской зарубинецкой культуры возникает киевская, следовательно, она – славянская. Затем на основании киевской возникают колочинская и пеньковская (антская) культуры, обе, естественно, славянские.

Надеюсь, читателю понятно, что эта концепция не выдерживает критики с точки зрения лингвистических материалов. Если



даже не говорить о возникновении поморской и подклошевой культур, распад зарубинецкой культуры в середине I в. н. э., когда полесская группа зарубинецкой культуры переселяется на Воынь, предполагает распад общеславянского языка на 500 лет раньше, чем это признается лингвистами. Допустить, что анты-пеньковцы говорили на языке, родственном общеславянскому, а потом остальные славяне их ассимилировали, нельзя, поскольку тогда следы антского диалекта все равно бы ощущались в южных и восточных славянских языках. Кроме того, непонятно, на чем основана уверенность в славянской атрибуции всех групп зарубинецкой культуры. Достаточно, чтобы на славянском языке говорило население полесской группы.

Следует отметить также работу М.Б.Щукина “Рождение славян” [Щукин 2001]. Глубокое знание археологии славянской проблемы позволило Щукину убедительно показать слабые места в существующих концепциях ранней истории славян. Собственная концепция Щукина состоит в том, что, поскольку пражская культура по сравнению с предшествующими, пшеворской и черняховской, примитивна, она должна быть связана с культурами лесной зоны Восточной Европы, такими, как культура штрихованной керамики, днепро-двинская и тушемлинская.

Тот факт, что эти культуры находятся в ареале балтской топонимики, Щукин преодолевает, основываясь на мнении отдельных лингвистов о существовании единого балто-славянского языка, от которого отделился собственно славянский. Носители вышеназванных культур и говорили на балто-славянском языке, а формирование киевской культуры означало выделение из него уже собственно славянского. Затем киевская культура распадается на колочинскую, пеньковскую и некую третью на правом берегу среднего Днепра и в Полесье, из которой

впоследствии образуется пражская культура.

Хорошо владея археологическим материалом, Щукин не имеет методики для его осмысления, поэтому его выводы основаны только на здравом смысле. Отсюда непонимание регрессивных процессов при депопуляции, которые имели место в V-VI вв. Именно депопуляция Восточной и Центральной Европы была причиной расселения славян на огромных территориях, но депопуляция обязательно сопровождается регрессом. Поэтому примитивность пражской культуры закономерна, и отвергать ее связь на этом основании с населением среднего и верхнего бассейна Днестра черняховской культуры нельзя. Примерно одинаковая примитивность культур лесной зоны Восточной Европы и пражской культуры обусловлена примерно одинаковым уровнем развития. Население лесной зоны в течение всего анализируемого периода отставало от населения более южных районов, что было следствием разной емкости резервуаров.

Пражскую культуру нельзя считать генетической наследницей киевской именно по той причине, что таковыми, несомненно, являются колочинская и пеньковская культуры. Из этого следует, что эти культуры славянские, что противоречит лингвистическому материалу, т. е. критерию бездиалектности, как об этом уже говорилось выше.

Тенденция “записать в славяне” побольше культур вызвана не только широтой славянской души, но и непониманием того, как славяне, занимавшие небольшую территорию, за исторически короткое время стали наибольшим народом Европы. Здесь мы снова видим яркий пример того, как ненадежен бывает наш здравый смысл. Если в течение хорошо известного нам периода трехполюя расселение этноса на огромных просторах – это залог его мощи и длительного существования, то в течение периода активных миграций – это залог

неизбежности его последующей ассимиляции. Расселение этноса в обширных резервуарах – реципиентах миграций означает потерю критического коэффициента, следовательно, замедление развития и утрату политической активности. Так было с кельтскими языками, занимавшими добрую половину Европы, или с языками балтов, ареал топонимики которых огромен. Все эти языки уцелели лишь в относительно небольших резервуарах, где мог удерживаться более высокий критический коэффициент.

Выше я неоднократно показывал, что расселение славян было результатом падения критического коэффициента на огромных пространствах Европы вследствие Великого переселения народов. Славяне, образно говоря, оказались в нужное время в нужном месте. Далее, расселение славян завершило период активных миграций в Европе, т. к. произошло непосредственно перед переходом населения в наиболее населенных районах лесной зоны к двуполью и трехполью, а затем и к созданию государств. Причина этого в том, что была накоплена достаточная плотность населения, сделавшая такой переход неизбежным. Только это позволило славянам в основном сохранить освоенный ими ареал.

Все эти примеры наглядно показывают, что без определенной методики и критериев, устанавливаемых лингвистикой, славянскую проблему не решить. Если же говорить в высшей степени обобщенно, то Центральная и Восточная Европа, где, несомненно, находились славяне на ранних этапах их истории, делится на большие языковые ареалы. В Карпато-Дунайском бассейне в этот период господствовали фракийские, иллирийские и кельтские языки, с которыми контакты славян практически не просматриваются. В степи и лесостепи господствовали индоиранские языки, с которыми славяне имели очень слабые и отдаленные контакты. Территория Польши и Восточной Германии была заселена германцами, с которыми славяне,

несомненно, контактировали, но слабее, чем с балтами, которые занимали всю лесную зону Восточной Европы, кроме северо-востока и севера, где жили финны. Место для славян остается только в Полесье, на что уже давно указывали лингвисты, например, Фасмер и Филин. Но Полесье – это милоградская культура, отличающаяся как от скифской культуры лесостепи, так и от балтских культур лесной зоны, хотя с последними ее контакты были весьма сильными.

Бібліографічні посилання

- Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. – М., 1965.
 Аванесов Р.И. Вопросы образования русского языка и его говоров // Вестник МГУ. – 1947. – №9.
 Алексаха А.Г. Введение в прогрессологию. – М., 2004.
 Алексаха А.Г. Историко-демографічні процеси в італійському суспільстві XII-XVII ст.: теоретико-методологічний аспект: Автореф. канд. дис. – Д., 2011.
 Алексеев М.Е. Нахско-дагестанские языки // Языки мира: Кавказские языки. – М., 1999.
 Амброз А.К. К истории верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // Советская археология (далее – СА). – 1964. – №1.
 Андреев Ю.В. Крито-микенский мир // История древнего Востока. – Т.1. – М., 1983.
 Артеменко И.И. Среднеднепровская культура // СА. – 1963. – №3.
 Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.
 Археология УССР. – Т.1-3. – К., 1985.
 Атгазис М.К. Вопросы этнической истории земгалов // Проблемы этнической истории балтов. – Рига, 1977.
 Атлас почв Украинской ССР. – К., 1979.
 Аухтан А., Ушинкас В. К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных // Древности Литвы и Белоруссии. – Мн., 1988.
 Баран В.Д. Ранньослов'янське поселення у села Зелений Гай на Дністрі // Середні віки на Україні. – 1971. – Вип.1.
 Баран В.Д. Славяне в середине I тыс. н.э. // Проблемы этногенеза славян. – К., 1978.
 Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). – К., 1981.
 Баран В.Д. Пражская культура Поднепровья. – К., 1988.
 Баран В.Д., Козак Д.Н., Терпиловський Р.В. Походження слов'ян. – К., 1991.
 Бергштрассер К. Опыт описания Олонецкой губернии. – СПб., 1838.
 Березанская С.С. О балтском компоненте в культурах эпохи бронзы Северной Украины // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. – Рига, 1981.



- Бирнбаум Х. Праoslavianский язык, достижения и проблемы в его реконструкции. – М., 1987.
- Браун Ф. Разыскания в области готто-славянских отношений. – СПб., 1899.
- [Бруно] Письмо архиепископа Бруно к германскому императору Генриху II // Памятники истории Киевского государства IX-XII вв. – Л., 1936.
- Вінокур І.С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II-V ст. н. е. – К., 1972.
- Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. – М.-Л., 1956.
- Военно-статистическое описание Волынской губернии. – Т.1. – К., 1887.
- Гамкрелидзе Т.В, Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984.
- Гаркави Л.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870.
- [Гарнати]. Путешествие Абд Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). – М., 1971.
- География животных. – М., 1951.
- Георгиев В. Балто-славянский и тохарский языки // Вопросы языкознания. – 1958. – №6.
- Гептнер В.Г., Слудский А.А. Млекопитающие Советского Союза. – М., 1972.
- Германские и кельтские языки. – М., 2000.
- Герценберг Л.Г. К вопросу о языковом ландшафте в древнейшую эпоху // Охотники, собиратели, рыболовы. – Л., 1972.
- Горюнов Е.А. О памятниках волынецовского типа // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР (далее – КСИА). – 1975.
- Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. – Л., 1981.
- Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1961. – №94.
- Готский язык. – Самара, 2006.
- Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров // История крестьянства в Европе. – Т.1. – М., 1985.
- Даниленко В.М., Шмаглий М.М. Про один поворотный момент в історії неолітичного населення Південної Європи // Археологія. – 1973. – №6.
- Дьяковская культура: Сб. / Отв. ред. Ю.А.Краснов. – М., 1974.
- Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. – Ереван, 1968.
- Егоров В.Е. Чувашский язык в сравнительно-историческом освещении. – Чебоксары, 1971.
- Есимонтовский [Г.Н.]. Описание Суражского уезда Черниговской губернии. – Ч.1. – СПб., 1846.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М., 1995.
- Засодимский П.В. В зырянском краю. Путевые очерки. – М., 1901.
- Замятнин С.Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Проблемы истории первобытного общества. – М.-Л., 1960.
- Захарук М. Дослідження пам'яток доби бронзи та раннього заліза на Волині в 1950 р. // АП УССР. – Т. VI. – К., 1956.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М., 1995.
- Ибн Русте. Ал-А'лак ан-нафиса. – Лейден, 1892.
- Ибн-Хаукаль. Китаб сурат ал-ард. – Т.2. – Лейден, 1939.
- Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. – Т.1. – М., 1971.
- Иордан. Происхождении и деяниях гетов. "Getica". – СПб., 2001.
- История древнего Востока / Под ред. И.М.Дьяконова. – Ч.1. – М., 1983.
- История древнего Востока / Под ред. Г.М.Бонгард-Левина. – Ч.2. – М., 1988.
- История крестьянства в Европе / Под ред. З.В.Удальцовой. – Т.2, 3. – М., 1986.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Под ред. Ю.В.Бромлея, А.И.Першица, В.А.Шнирельмана. – М., 1986.
- Кабо В.Р. У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы: этнографические очерки / Под ред. А.М.Решетова. – Л., 1980.
- Калинина Т.М. Сведения Ибн-Хаукиля о походах Руси времени Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1975.
- Каменецкий И.С. Археологическая культура, ее определение и интерпретация // СА. – 1970. – №2.
- Катонова Е.М. Балто-славянские контакты и проблемы этимологии гидронимов // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. – Вильнюс, 1981.
- Кигурадзе Т.В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. – Тбилиси, 1976.
- Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. – 1970. – №2.
- Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейцев. – СПб., 2007.
- Ключевский В.О. Сочинения. – Т.1. – М., 1987.
- Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. – К., 1984.
- Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. – IV ст. н. е.). – К., 1992.
- Козинцев А.Г. Переход к земледелию и экология человека // Ранние земледельцы. – Л., 1980.
- Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932.
- Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М., 2003.
- Красновская Н.А. Фриулы. (Историко-этнографические очерки). – М., 1971.
- Краузе В. Тохарский язык // Тохарские языки / Под ред. В.В.Иванова. – М., 1969.
- Крушельницька Л.І. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. – К., 1976.
- Кузнецов П.С. Русская диалектология. – М., 1951.
- Кулаков В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. / Отв. ред. В.В.Седов. – М., 1990. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. 4. Г1-9).
- Куликаускане Р.К. Образование литовской народности // Проблемы этнической истории балтов. – Рига, 1977.
- Кульбака В., Качур В. Индоевропейські племена епохи палеометалу. – Маріуполь, 2000.
- Кухаренко Ю.В. Археология Польши. – М., 1969.
- Кухаренко Ю.В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях // СА. – 1954. – Вып.19.

- Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. – М., 1984.
- Левитский И.О. Очерк хозяйственных условий Полесья. Сельское хозяйство и лесоводство. – 1878. – №1.
- Лепехин И. Дневные записки путешествия 1768-1769 гг. – СПб., 1771.
- Магомедов Б.В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. – 1977.
- Магомедов Б.В. Каборга IV (раскопки 1973-1974) // Могильники черняховской культуры. – М., 1979.
- Магомедов Б.В. Черняховская культура северо-западного Причерноморья. – К., 1987.
- Мажюлис В. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. – Рига, 1978.
- Мажюлис В.П. О связях литовско-латышского с другими древнебалтийскими диалектами // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. – Рига, 1981.
- Максимов А.Н. Накануне земледелия // Уч. зап. Института истории РАН ИОН. – 1929. – Т.3.
- Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. – К., 1982.
- Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Поселения киевского типа близ Чернигова // Проблемы этногенеза славян. – К., 1978.
- Мейе А. Общеславянский язык. – М., 1961.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М., 2002.
- Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. – М., 1967.
- Мелюкова А.И. О датировке и соотношении памятников начала железного века лесостепной Молдавии // СА. – 1972.
- Мерпещения Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М., 1974.
- Мерперт Н.Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // Краткие сообщ. Института археологии. – Вып. 105. – М., 1965.
- Мерперт Н.Я. Древняя культура историческая общность и вопросы формирования культур шнуровой керамики // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. – М., 1976.
- Мерперт Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов Восточной Европы // Проблемы советской археологии. – М., 1978.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – Т.1. – СПб., 2000.
- Митрофанов А.Г. О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V-VIII вв.) // Беларускія старажытнасці. – Мн., 1972.
- Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии. – Мн., 1978.
- Молчанов А.А. Таинственные письмена первых европейцев. – М., 1980.
- Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. – 1967. – №1.
- Мугуревич Э.С., Таутавичюс А.З. Состояние и задачи археологического изучения этногенеза балтийских народов // Проблемы этнической истории балтов. – Рига, 1977.
- Насонов А.Н. “Русская земля” и образование Древнерусского государства. – М., 1951.
- Новикова Л.А. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы // СА. – 1976. – №3.
- Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. – М.-Сумы, 1991.
- Очерки по археологии Белоруссии. – Мн., 1970.
- Перхавко В.Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. – 1979. – №4.
- Петров В.П. Подсечное земледелие. – К., 1968.
- Петров В.П. Етногенез слов’ян. – К., 1972.
- Пидопличко И.Г. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1953. – Вып. 2.
- Пидопличко И.Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. – Вып. 2. – К., 1956.
- Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). – М., 1959.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М., 1967.
- Плетнева С.А. Древности черных клубков. – М., 1973.
- Плетнева С.А. Хазары. – М., 1986.
- Плетнева С.А. Половцы. – М., 1990.
- Покровська Є.Ф., Ковпаненко І.Т. Могильник біля села Калантаєва // Археологія. – 1961. – Т. 12.
- Повесть временных лет. – Ч.1. – М.-Л., 1950.
- Попов А.И. Географические названия. – М.-Л., 1965.
- Попов В.Ф. Материалы по статистике Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Земельно-хозяйственное описание Деревянской волости. – Вологда, 1906.
- Приходнюк О.М. О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья // КСИА. – Вып. 194. – М., 1988.
- Расовский Д.А. Печенеги, торки и беренди на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. – VI. – Praga, 1933.
- Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. – М., 1975.
- Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. – М., 1976.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. – М., 1982.
- Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. – М., 1979.
- Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. – М., 1971.
- Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV-XVII вв. – М., 1969.
- Седов В.В. О юго-западной группе восточнославянских племен // Историко-археологический сборник. – М., 1962.
- Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. – М., 1970.
- Седов В.В. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978.



- Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. – М., 1979.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. – М., 1982.
- Седов В.В. Славяне. – М., 2002.
- Смішко М.Ю. Сарматські поховання біля с.Острівець Станіславської обл. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – 1962. – Вип.4.
- Смішко М.Ю. Племена зарубинецької культури // Населення Прикарпаття і Волині за добу розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. – К., 1976.
- Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. – Ч.1. – К., 1884.
- Советов А.В. О системах земледелия. – М., 1950.
- Соколов С.Л., Связева О.А., Кубли В.А. Ареалы деревьев и кустарников. – Т.І. – М., 1977; Т.ІІІ. – М., 1986.
- Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. – М., 1988.
- Таутавичюс А.З. Восточнолитовские курганы // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. – М., 1959.
- Таутавичюс А.Э. Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н. э. // Проблемы этнической истории балтов. – Рига, 1977.
- Телегин Д.Я. Степное Поднепровье и Нижнее Подунавье в неолите – энеолите // Каменный век на территории Украины. – К., 1990.
- Терпиловский Р.В. К проблеме контактов киевской и вельбаркской культур // *Kultura wielbarska w mlodszyim okresie rzymskim.* – Lublin, 1989.
- Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. – К., 1984.
- Терпиловський Р.В. Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку // Старожитності Русі-України. – К., 1994.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. (Свод археологических источников). – К., 1992.
- Титов В.С. Древнейшие земледельцы в Европе // Археология Старого и Нового Света. – М., 1966.
- Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII-XIII веков. – К., 1980.
- Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. I // Балканское языкознание. – М., 1973.
- Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. II // Балканский лингвистический сборник – М., 1977.
- Топоров В.Н., Трубачев В.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962.
- Топоров В.Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балтийско-славянские исследования. – М., 1981.
- Тохарские языки / Под ред. В.В.Иванова. – М., 1969.
- Третьяков П.Н. Этногенетический процесс в археологии // СА. – 1962. – №4.
- Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений. Этимология. – М., 1967.
- Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. – М., 1991.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – Т.2. – М., 1986.
- Федоров М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. – Ч.1-2. – Чебоксары, 1980-1983.
- Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. – М., 1962.
- Фогель Э. Сведения о лесах в Волынской губернии // Лесной журнал. – 1836. – №1.
- Хавлюк П.І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережного Дністра // Археологія. – 1975. – Вип.18.
- Хорнаули Г.И. Топонимические свидетельства изменения природы высокогорных районов Грузии // Топонимика на службе географии. – М., 1979.
- Хузин Ф.Ш. Волжская Болгария в домонгольское время (X – начало XIII в.). – Казань, 1997.
- Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1960. – №53.
- Черных Е.Н. На пороге несостоявшейся цивилизации // Природа. – 1976. – №2.
- Черных Е.Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. – М., 1976.
- Членова Н.Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. – М., 1984.
- Чубинский П.П. О состоянии хлебной торговли и производительности в северном районе. – СПб., 1870.
- Шадьро В.И. Ранний железный век Северной Белоруссии. – Мн., 1985.
- Шахов А.А. Земледелие и кормодобывание Печорского края и пути их развития. – М., 1936.
- Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – 1970. – Вып.6.
- Шнирельман В.А. Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству // Советская этнография. – 1982. – №2.
- Щекотов И.П. Сельскохозяйственная культура // Сельское хозяйство и лесоводство. – 1882. – №1, 2.
- Щукин М.Б. К истории Нижнего Поднепровья в первых веках нашей эры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1970. – Вып.12.
- Щукин М.Б. Проблема бастарнов и этнического определения пояншты-лукашевской и зарубинецкой культур // Петербургский археологический вестник. – Вып.6. – 1993.
- Щукин М.Б. На рубеже эр. – СПб., 1994.
- Щукин М.Б. Рождение славян (2001) <http://www.nestor.md/Russian/Sciukin.htm>
- Эдельман Д.А. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // Вопросы языкознания. – 1992. – №3.
- Agredi B., Poloni E.S., Tyler-Smith C. The peopling of Europe // *Anthropological genetics: theory, methods and applications* / Ed. M.H.Crawford. – Cambridge, 2007.
- Barker G., Rasmussen T. The Etruscans. – Oxford, 2000.
- Bartlett H. Fire in relation to primitive Agriculture and Grazing // Tropical University of Michigan. – 1954. – Vol.2.

- Birnbaum H. Pre-Greek Indo-Europeans in the Southern Balkans and the Aegean // *The Journal of the Indo-European Studies*. – Vol.2. – №4. – 1974.
- Boserup E. The conditions of agricultural growth. – L., 1965.
- Bouzek J. *Homerisches Griechenland*. – Praha, 1969.
- Brucker G. *Florence Redux // Beyond Florence: The Contours of Medieval and Early Modern Italy*. – Stanford, 2003.
- Carlidge P. *Sparta and Laconia. A Regional History 1300-362 B.C.* – L., 1979.
- Desborough R.N. d'A. *The Last Mycenaean and Their Successors*. – Oxford, 1964.
- Desborough R.N. d'A. *The Greek Dark Ages*. – L., 1972.
- Devoto G. *The languages of Italy*. – Chicago-L., 1974.
- Dimitrijevic S. *Sjeverna zona // Neolitik u centralnom i zapadnom dijelu sjeverne Jugoslavije. Praistorija jugoslavenskih zemalja*. – II. – Sarajevo, 1979.
- Duridanov I. *Zum Baltoslav // Baltistica*. – Vilnius, 1968. – Vol.4.
- Duridanov I. *Sudslavisch-Baltische Ubereinstimmungen in Bereiche der Wortbildung // Baltistica*. – Vilnius, 1969. – Vol.5.
- Duridanov I. *Thrakisch-dakische Studien. Die thrakisch und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen // Linguistique balkanique*. – XIII. – Sofia, 1969.
- Ellis P.B. *The Celtic Empire: the first millenium of the Celtic history 1000 B.C. – 51 A.D.* – Durham, 1990.
- Georgacas D. *Place and other names in Greece of various Balkan origins // Zeitschrift fur Balkanologie*. – Bd.III. – Sofia, 1965.
- Georgiev V. *La toponimie ancienne de la peninsule Balkanique*. – Sofia, 1961.
- Germanen – Slawen – Deutschen. *Forschungen in ihrer Ethnogenese*. – Berlin, 1969.
- Gimbutas M. *Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe*. – P.-The Hague-L., 1965.
- Gimbutas M. *An archaeologist's view of Pre-Indo-Europeans // The Journal of Indo-European Studies*. – Vol.II. – 1974.
- Gimbutas M., Dexter M.R., Jones-Bley K. *The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe: Selected Articles from 1952 to 1993*. – Washington, 1997.
- Gleirscher P. *Die Rater*. – Chur, 1991.
- Gleirscher P., Nothdurfter H., Schubert E. *Das Rungger Egg. Untersuchungen an einem eisenzeitlichen Brandopferplatz bei Seis am Schlern in Sudtirol*. – Mainz, 2002.
- Godlowsky K. *Przemiany kulturowe i osadnicze w poludniowej i srodkowej Polsce w mlodym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim*. – Wroclaw, 1985.
- Gonda J. *Vedic literature*. – Wiesbaden, 1975.
- Grebe K. *Zur fruhslawischen Besiedlung des Havelgebietes / Veroffentlichungen des Museums fur Ur- und Fruhgeschichte*. – Potsdam. – Bd.10. – 1976.
- [Gwagnini A.] *Z kroniki Sarmacyi Europejskiej Alexandra Gwagnina z Verony*. – Krakow, 1860.
- Finley M.I. *Early Greece: the Bronze Age and Archaic Greece*. – L., 1970.
- Flannery K.V. *The ecology of early food production in Mesopotamia // Science*. – Vol.147. – 1965.
- Florescu A.C. *Sur le problemes du bronze tardif Carpat-Danubien et Nord-Quest Pontique Dacia // NS*. – 1967. – №11.
- Harris D.R. *Traditional systems of plant food production and the origins of agriculture in West Africa // Origins of African plant domestications / Eds. J.R.Harlan, J.M.J.De Wet, A.B.L.Stemler*. – The Hague, 1976.
- Hartman C.W. *The Indians of Northwestern Mexico // Congress International des Americanistes*. – 1897. – Vol.10.
- Heubeck A. *Pragraeca: sprachliche Untersuchungen zum vorgiechisch?indogermanischen Substrat*. – Erlangen, 1961.
- Jakovljevic G. *Arheoloska topografija Bilogore // Bjelovarski zbornik 89*. – Bjelovar, 1989.
- Jankuhn H. *Vor- und Fruhgeschichte vom Neolithikum bis zur Volkerwanderungszeit // Deutsche Agrargeschichte*. – Bd.1. – Stuttgart, 1969.
- Joshi J.P. Madhubala. *Life during the period of overlap of the late Harrapa and PGW cultures // Journal of Indian Society of Oriental art*. – 1978. – Vol.9.
- Karsten T.E. *Die Germanen. Eine Eifuhung in die Geschichte ihrer Sprache und Kultur*. – Heliaingfors, 1928.
- Kaszubszczyzna / Red. E.Breza. – Opole, 2001.
- Kostrzewski J. *Celtyckie elementy w kulturze slowianskiej / Slownik starozytnosci slowianskiej*. – T.1. – W., 1963.
- Krahe H. *Sprache und Vorzeit*. – Heidelberg, 1954.
- Lee R. *What hunters do for a living, or how to make out on scarce resources // Man the Hunter*. – Chicago, 1968.
- Lehr-Splawinski T. *O pochodzeniu i praojczyźnie Slowian*. – Poznan, 1946.
- Macgowan K., Hester J. *Early man in the New World*. – N.Y., 1962.
- Macnik I. *Wczesny epoka brazu // Prahistoria ziem Polskich*. – Wroclaw, 1978. – Vol.3.
- Mallory J.P. *In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth*. – L., 1989.
- Mellaart J. *The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // American Journal of Archaeology*. – 1. – 1958.
- Mellaart J. *Earliest civilisation of the Near East*. – L., 1965.
- Meillet A. *Esquisse d'une grammaire comparee de l'armenien classique*. – Vienna, 1936.
- Milewsky T. *Nazwy z obszary Polsky podejrzenie o pochodzenie wenetyjskie lub iliryjskie // Slavia Antiqua*. – XI. – Poznan, 1964.
- Mill J.S. *Principals of political economy / Ed. W.J.Ashley*. – N.Y., 1965.
- Morinitz S. *Contributii archeologie la istoria Tracilor Timpuri // Academia Rebulicii Socialiste Romania*. – Bucuresti, 1978.
- Muscarella O.W. *The chronology and culture of Se Girdan: phase III*. – Brill, 2003.
- Mylonas G.E. *Mycenae and Mycenaean Age*. – Princeton, 1966.
- Nicolas D. *Economic reorientation and social change in the XIV th. century Flanders // Past and Present*. – 1976. – №70.
- Piggott S. *Ancient Europe from the Beginnings of Agriculture to Classical Antiquity*. – Edinburgh, 1965.
- Prahistoria ziem Polskich*. – W., 1981.



- Price G. Encyclopedia of the languages of Europe. – Willey-Blackwell, 2000.
- Renfrew C. Time Depth, Convergence Theory and Innovation in Proto-Indo-European // Languages in Prehistoric Europe. – Amsterdam, 2003.
- Rix H. Ratisch und Etruskisch. – Innsbruck, 1998.
- Salins M. Stone Age economics. – Chicago, 1972.
- Salisbury R.F. From stone to steel: economic consequences of a technological change in New Guinea. – Cambridge, 1962.
- Sedovs V. Balti senatne. – Riga, 1992.
- Schumacher S. Die ratische Inschriften. Geschichte und heutiger Stand der Forschung. – Innsbruck, 1992.
- Schumacher S. Sprachliche Gemeinsamkeiten zwischen Ratisch und Etruskisch // Der Schem. – 72. – 1998.
- Silberbauer G. Report to the government of Bechuanland on the Bushman survey. Gaberones // American Antiquity. – 1966. – Vol.68. – №4.
- Simone C. de. Tirreni a Lemnos. Evidenza linguistica e tradizioni storiche. – Firenze, 1996.
- Snodgrass A.M. The Dark Age of Greece. – Edinburgh, 1971.
- Stieber Z. Problem najdawniejszych roznic między dialektami słowiańskimi // I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowian. – Vol.I. – Wrocław-W.-Kraków, 1968.
- Studies in Greek, Italic and Indo-European Linguistics / Eds. A.M.Davies, W.Meid. – Innsbruck, 1976.
- Sulimirski T. Kultura wysocka. – W., 1956. – Tabl.XIII, 9, XVII, 1, XIX, 20.
- Szymanski W. Szeligi pod Plockiem na początku wczesnego średniowiecza. – Wrocław-W.-Kraków, 1967.
- Tanaka J. Social structure of the Bushmen // Proc. of the VIII International Congress of Anthropology and Ethnography. Sciences. – Vol.III. – Tokyo, 1968.
- Vasmer M. Der ostdeutsche Volksboden. – Breslau, 1926.
- Vermeule E. Greece in the Bronze Age. – Chicago, 1964.

